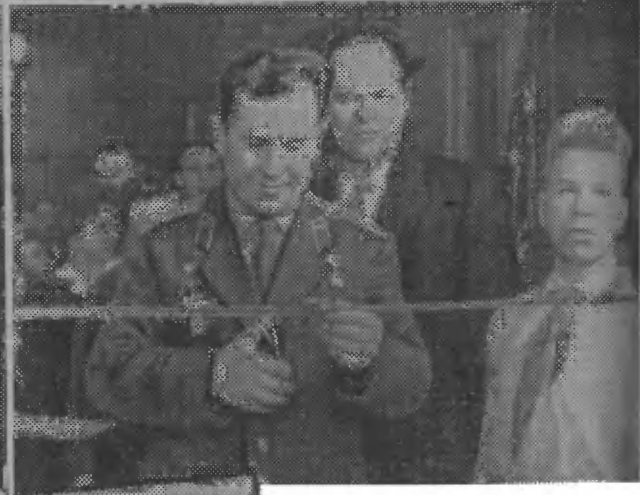

Ускупка

Космонавты в городе Ленина

ПЕРВАЯ ЗАДАЧА
 ПЕРВЫЙ ПЕРИОД
 СОСТАВЛЯЮЩИЕ ОН МА
 И ОСТАВШИМ ОСТАТ
 И С ДАЛЕКО
 КОММУНИКАЦИИ
 ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД

Желаю всем ми-
ру и городам
Киевской обла-
сти успехов в
б. и кр. делах
Дорогие!
Горюхины
1946г.

Текст к фотографиям
Н. Карасёва читайте
на 45-й странице.

№ 4

Апрель 1963 г.

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган Ленинградских
промышленного и сельского областных
комитетов ВЛКСМ, Ленинградского
Горкома ВЛКСМ и Ленинградского Совета
пионерской организации имени В. И. Ленина.

Роман Ругин

Т О Л Ь К О   Ж И В О Й

*Верно и вечно над головой:
«Ленин — живой! Ленин — живой!»
Жив он — учитель наш и брат.
Только живой это может, живой,
столько людей на беседу собрать,
столько слов задушевных найти,
в столько сердец человечьих войти.*

*Только к живому —
тысячи глаз.
Только к живому
люди всех рас,
всех континентов
идут в Мавзолей.
Ленина сердце стучит на земле.*

*В доме у Ленина шаг удержу,
сердце своё Ильичу расскажу...
Нет,
    не успеть,
        отложу, на потом —
слишком велик человеческий поток.
Словно у двери планеты, пять букв —
ЛЕНИН, —
        свою выбирая судьбу,
пять континентов встречаются здесь,
пять континентов сливаются здесь.*

*Только живому —
такой почёт,
только к живому
поток течёт.
Верно и вечно над головой:
«Ленин — живой! Ленин — живой!»*

Перевод с ханты А. ШКЛЯРИНСКОГО

На небольшой посылке почтовый адрес: «Курская губерния, Стремодково-Бобрицкая волость, пионерам Спасской начальной школы от В. И. Ленина, Москва, Кремль».

Посылка от Ленина? Когда это было? О какой посылке идёт речь? Каким пионерам?..

Долгие поиски приводят нас в город Суджа-Заолешенка Курской области к учителю местной школы-интерната Ивану Михайловичу Халченко. И вот его ответы на все наши вопросы об истории посылки от Ильича.

Сотня покосившихся изб прилепилась на склоне длинного оврага, каких немало на равнинах Центральной России. Чуть в сторонке, на самом юру — одинокая избушка школы. До революции здесь обучал крестьянских детей грамоте псаломщик Корней. После революции он сбежал куда-то. Школа три года не работала. В 1922 году в деревню приехала молодая учительница Варвара Васильевна Родина. Вот откуда-то и пришла в 1922 году посылка от Ленина.

Было так. Молодая учительница призвала ребятшек записываться в школу. В назначенный день к ней потянулась вереница детей, одетых в домотканые зипуны и обутых в лапти. У каждого длинная холщовая сумка через

плечо. Ребята имели точно такой вид, как показано на знаменитой картине художника Богданова-Бельского «У порога школы». Репродукция с картины опубликована почти во всех хрестоматиях.

Сумки-то холщовые завели будущие школьники, а вот в сумках пусто, если не считать кусочка мела. У счастливых — осколок грифельной доски. А книжек или тетрадок нет ни у кого. Многие ребята в руках ещё не держали книжку.

Учительница встречала каждого школьника у входа и спрашивала:

— В каком классе?

В зависимости от ответа усаживала учеников за парты: малышей — в первом ряду, четырёхклассников — в последнем. Вся школа имела одну комнату. 74 ученика занимались одновременно.

Над классной доской учительница укрепила портрет Владимира Ильича Ленина, привезённый с собой. Никто из школьников деревни ещё не видел портрета Ленина, и они рассматривали его с любопыт-

ством. А учительница и начала первый урок с рассказа об Ильиче.

После перемены приступили к учению. На крышках парт выделили каждому ученику «делянку», отчертив её мелом. Ребята третьих и четвёртых классов списывали с доски арифметические примеры и мелом решали их на своих «делянках». Второклассники вспоминали буквы и тоже мелом старательно выписывали их на крышках парт. А новички чертили палочки, вымазав мелом не только крышки парт, но и носы, уши...

На всю школу была един-

ственная книжка «Вешние воды», привезённая учительницей. Так вот и учились без тетрадей и учебников.

В школу часто приходил житель этой же деревни Пётр Спиридонович Дереев. Ему довелось охранять Ленина в Кремле, а позже — быть ходком к Ильичу. И каждый раз, когда сельский коммунист встречался со школьниками, он всегда рассказывал им о Ленине, его постоянной заботе о детях.

— Бывало, подарят солдаты Ильичу буханку хлеба или соберут свои пайки сахара. Он примет с благодарностью, а

сам не ест. Всё отсылает детям, что в сиротских домах или в больницах.

— Видать, он точно, как наша мамка: разрежет буханку всем по кусочку, а себе ничего. А нам говорит: ешьте, детки, я хлеба не люблю. Написать бы Ленину благодарственное письмо за то, что прислал к нам учительницу. Мы теперь все учимся, — сказал Ванюша, ученик второго класса. — Жаль, бумаги нет...

— Бумагу я принесу. А вы напишите Ильичу. Обязательно напишите про всё, как учитесь даже без тетрадей и учебников, как организовали пионерский отряд. Вот порадуете Ильича, — поддержал Ванюшу сельский коммунист Дереев. — И не беда, если Ленин не ответит на ваше письмо. Дел у него много.

Письмо Ленину написали всей школой. А недельки через две, как раз перед праздником пятой годовщины Октября, деревню Спасскую облетела весть: Ленин посылку прислал!

Посмотреть на подарок Ильича собрались все: и взрослые, и дети. Вскрыли ящик, а там триста тетрадей, сто карандашей и сто ручек, коробка стальных перьев и пять пачек цветных карандашей.

Женщины плакали от радости, приговаривая:

— Ишь, прислал-таки...

— Вот она, наша власть, заботится о ребятишках...

— Товарищи, давайте споём «Интернационал» в знак благодарности родному Ильичу, — предложил коммунист Дереев. И, сняв «буденовку», Пётр Спиридонович запел партийный гимн. Его дружно поддерживали все собравшиеся.

Узнав историю посылки от Ленина, я спросил учителя Халченко:

— Как сложилась судьба школьников, писавших Ленину? Жива ли учительница Родина и сельский коммунист Дереев?

Он ответил:

— Может быть, покажется странным, но все, кто в 1922 году учился писать на тетрадях, полученных от Ленина, стали сами учителями. Кого бы я ни вспомнил из живых или погибших (многие мужественно защищали нашу Родину и погибли во время последней войны) — все были или остаются учителями. Жива наша первая учительница — Родина, жив и организатор пионерского отряда в деревне Спасская — коммунист Дереев.

— А судьба инициатора письма к Ленину — Ванюши?

Учитель застенчиво улыбнулся и ответил:

— Тот Ванюша и рассказывает вам сейчас про посылку Ильича...

ПЕРЕДЫШКА

22 апреля 1962 года традиционный весенний слёт туристов Ленинграда, посвящённый девяносто второй годовщине со дня рождения В. И. Ленина, проходил в посёлке Горьковское. Сорок пять лет назад, летом 1917 года, в деревне Нейвола, так тогда называлось Горьковское, на даче В. Д. Бонч-Бруевича короткое время отдыхал Владимир Ильич Ленин.

Но мало кто знал об этом историческом месте. И вот теперь торжественный митинг проходил на бывшем дачном участке Бонч-Бруевича, а трибуной для выступающих служил фундамент дома.

В гости к ленинградским туристам из Москвы приехали на слёт Елена Владимировна Бонч-Бруевич и Михаил Фридрихович Ленгник. Поездка эта доставила им немалую радость: они снова повидали дорогие места своей юности и, наверное, поэтому так взволнованно и проникновенно рассказывали о незабываемых днях, проведённых рядом с Владимиром Ильичём.

Эти яркие воспоминания и некоторые материалы, опубликованные и неопубликованные, помогли воссоздать

живую картину июньских дней 1917 года в Нейволе.

* * *

Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич второй день отдыхал в кругу семьи. Вчера он с большим трудом добрался до Мустамяк в переполненном вагоне. Только что прекратилась забастовка финских железнодорожников. Машинисты и кочегары предъявили финскому сейму свои экономические требования. Два дня движения между Петроградом и Куоккалой вовсе не было. И теперь перепуганные отцы семейств с боем рвались к себе на дачи.

Владимир Дмитриевич был рад, что хоть на несколько дней ему удалось вырваться из петроградского пекла. Не говоря уже об изматывающей духоте большого города, утомляла ещё больше атмосфера политическая. Контрреволюционная буржуазия при активной поддержке эсеров и меньшевиков не хуже монархии прилагала все силы, чтобы любыми средствами задушить революционно - демократическое движение и в первую очередь парализовать партию большевиков.

Почти ежедневно в «Правде» появлялись две, а то и три статьи Ленина, разоблачавшие политику предательства интересов народа. Десять статей за одну неделю с 21 по 29 июня! Невозможно, кажется, представить, что это успевал делать один человек, не говоря уже о его деловых встречах, совещаниях и докладах.

На Ильича было больно смотреть. В последний раз, когда Ленин с Крупской зашли на Поварской переулок, где помещалась редакция издательства «Жизнь и знание», Надежда Константиновна, отведя в сторону Бонч-Бруевича, доверительно сообщила ему, что Владимира Ильича мучают ужасные головные боли и он совсем лишился сна. Есть все основания серьёзно беспокоиться за его здоровье.

Ленин просматривал последние листки корректуры, когда Надежда Константиновна и Владимир Дмитриевич подошли к нему.

— Вам надо отдохнуть, Владимир Ильич, — в категорической форме начал разговор Бонч-Бруевич. — Хотя бы немного отдохнуть, иначе мы вас и в издательство пускать не будем и товарищам из «Правды» это накажем.

Ленин чуть улыбнулся и хотел что-то возразить.

— Ничего не хочу от вас слышать, Владимир Ильич. Вот и Надежда Константиновна меня поддерживает, никаких возражений мы не принимаем. Обо всём уже догово-

но, вы приезжаете к нам в Нейволу, комнаты для вас Вера Михайловна приготовит. Я сам бросаю своё издательское хозяйство, хочу подышать свежим воздухом и вам советую последовать моему примеру.

Ленин, сложив на столе аккуратной стопкой листы корректуры, ждал, когда у Бонч-Бруевича кончится запал. Спорить, видно, он не хотел.

— Дел много, дорогой Владимир Дмитриевич, — тихо ответил он, — да и время неспокойное, не знаешь, что ждать завтра от наших «друзей». А в лес или ещё лучше на речку или к озеру я бы с превеликим удовольствием вам компанию составил. Если только будет возможность, обещаю приехать.

— Я надеюсь на вас, Надежда Константиновна, — говорил Владимир Дмитриевич, провожая Крупскую и Ленина к выходу, — и Марию Ильичну возьмите с собой.

...Пёстрая дачная публика с детьми и домочадцами скуки ради встречала очередной выборгский поезд из Петрограда. Выбирать развлечения в Мустаняхках не приходилось, поэтому довольствовались вокзальной сутолокой и встречей знакомых пассажиров.

В этот июньский день спрятаться от солнца было невозможно, мало помогали батистовые зонтики и широкие полотняные тени пакгауза. От жары съёживались и увядали даже искусственные цветы на дамских шляпах. А станцион-

ное здание, молочно-бежевое, с затейливыми архитектурными украшениями, казалось, таяло под солнечными лучами, как сахарный пряник.

Поезд показался в лёгкой дымке дрожащего марева. Перед станцией машинист замедлил ход, паровоз сделал последний выдох, и состав замер у невидимой черты. С удивительной точностью каждая из площадок вагонов оказалась как раз против нешироких ступенек, вроде двух скамеек, поставленных одна на другую.

Из второго вагона, минуя эти ступеньки, заменяющие перрон, прыгнул мужчина среднего роста, плотный, немолодой, но, судя по энергичным движениям, удивительно подвижный. Он принял у дамы маленький чемодан и протянул ей руку, помогая сойти.

Слева от станции, если стоять к ней лицом, буквально в нескольких шагах топтались запряжённые в двуколки мохнатые финские лошади. Разомлевшие от жары, низко склонив головы, они лениво тянулись мордами к пыльным, серым пучкам травы.

Давидка-безрукий и Матвейка, извозчики-финны из бедных, с сожалением посмотрели на мужчину, когда тот под руку с дамой подошёл к ним и спросил, как добраться до Нейволы. Двуколка двоих взять не может, а предлагать им ехать порознь было бесполезно.

— Спросите Петровну, ей по пути, подвезёт, — сказал Матвейка, указывая кнутовищем

на шарабан, стоявший возле багажного сарая. — Она только что певца Джеральдони из Нейволы привезла, сейчас обратно поедет.

Договорились с Петровной быстро. Стёпка, так хозяйка называла свою лошадь, шёл нешироким размеренным шагом, и шарабан, чуть поскрипывая на поворотах, мягко катился по лесной дороге. Мужчина сначала что-то тихо говорил своей соседке, а потом большую часть пути сидел молча, откинувшись на обитую сукном спинку сиденья. Он смотрел вперёд не мигая, чуть прищурив глаза, как будто стараясь вобрать в себя и густой запах хвои и голубизну прокалённого, без единого облачка неба.

У ручья, пересекающего дорогу, шарабан неожиданно остановился. Стёпка косил глазами на хозяйку, ожидая, когда та напоит его. Мужчина, воспользовавшись остановкой, прыгнул на землю. Он наклонился к ручью и зачерпнул в ладони чуть зеленоватую прозрачную воду. Но пить не стал, а только ополоснул лицо и намочил голову. Потом достал платок и насухо вытерся.

— Маняша, а ты не хочешь освежиться? — спросил он у своей спутницы. — Я тебе платок намочу.

Женщина отрицательно покачала головой.

— Ну, что же, хозяйка, поедем дальше, — сказал мужчина, немного оживившись. — Не заблудитесь, доставите нас к Демьяну Бедному?

— Да что вы, шутите, мил человек! — непритворно рассердилась Петровна. — Даже внучка моя знает, где они живут, чуть не каждый день к ним бегают черепашек смотреть. На горе их дом, кто его не знает. Все говорят, Демьян Бедный — мужик вредный. А на вид так спокойный, тихий... Да вы не волнуйтесь, скоро приедем.

Лес сразу за поворотом кончился. Перед глазами, как будто на ровном месте, вырос большой холм. На его склонах живописно расположились домики.

Дача, которую занимали Бонч-Бруевичи, была простой и удобной. Дом стоял на гранитном фундаменте, переделанный из крестьянской избы-сруба, с пристроенной верандой.

Второй этаж, типа мезонина, имел две отдельные боковые комнаты и третью — проходную. Туда входили прямо с лестницы и через неё — на маленький балкончик.

В этот вечер, если можно назвать вечером пять часов в конце июня, Владимир Дмитриевич сидел на балкончике, наслаждаясь красотой угасающего дня. Солнце ещё не скрылось за лесом, но жара заметно спала.

Его созерцательное, безмятежное состояние нарушили громкие шаги на лестнице. Прямо на балкон шествовал Демьян Бедный, прикрывая кого-то своей спиной. Бонч-Бруевич даже растерялся и не верил глазам своим — за

Демьяном стояли Владимир Ильич и Мария Ильинична.

Демьян шутил и каламбурил:

— Вот вам какого гостяведу... Нет, Вера Михайловна, как вам угодно, по этой причине без лекарства я не уйду... у меня и так живот болит, а теперь нет-с, по такому счастливому случаю пожалуйста капелек...

— Это что за капли такие заведены для умирающего Демьяна Бедного? — весело и приветливо заговорил Владимир Ильич, здороваясь с бросившейся ему навстречу Верой Михайловной, женой и соратницей по революционным делам Владимира Дмитриевича.

Демьян в лицах изобразил, как остановился у его дома шарабан с необычайными пассажирами. Владимир Ильич, по конспиративной привычке, отправился сначала не туда, где он собирался жить, а к Демьяну Бедному. От него они уже вместе пришли к Бонч-Бруевичам.

Гостям сразу показали их комнаты. Лёлю — тринадцатилетнюю дочку Бонч-Бруевичей — строго-настрого предупредили, чтобы она не шумела, не залезала наверх к Владимиру Ильичу и сама охраняла его покой.

На балкончике рядом с креслом поставили стол, чтобы Ленин мог, когда захочет, заниматься на воздухе. Балкончик этот ему сразу понравился. В первый вечер он долго сидел на веранде. Все молчали, занятые своими мыслями.

— Как хорошо... — чуть слышно сказал Ленин, погружившись не то в глубокую думу, не то слушая тишину природы.

Перед сном Вера Михайловна принесла Владимиру Ильичу снотворное. Он покорно взял рюмку с зелёной микстурой и залпом выпил, потом попрощался со всеми и тихонько пошёл к себе наверх.

В доме всё замерло, ходили на цыпочках, говорили шёпотом. Наутро Владимир Ильич признался, что отлично выспался.

— Замечательно хорошо у вас здесь, — сказал Ленин, выйдя утром в сад. — А воздух-то какой... Мне сказала Лёля, что вы огородом увлекаетесь, Владимир Дмитриевич... — И он забросал Бонч-

Бруевича вопросами. Какая здесь земля? Много ли надо навоза? Что даёт огород? Хватает ли на семью? Много ли надо поливать?

— Э, да что с вами говорить! — весело сказал Ильич. — У вас всегда всё хорошо, а вот мы поговорим с няней, ей-то, наверное, больше всех достаётся.

Няню он расспрашивал с пристрастием.

— Здесь, я чувствую, хорошо можно отдохнуть, — сказал Ленин, беря под руку Владимира Дмитриевича, — но только при одном условии: прошу вас, записывайте все расходы, и мы по-товарищески их поделим. Пожалуйста, прошу вас, сделайте именно так, тогда я буду спокоен. Обещаете?

— Конечно, Владимир Ильич, конечно, раз вы этого хотите, я буду самым точным счетоводом нашего общежития. — Иначе Бонч-Бруевич ответить не мог, он хорошо знал крайнюю щепетильность Ленина в денежных вопросах.

Утром на дачу к Бонч-Бруевичам, как это бывало каждый день, пришёл Миша Ленгник, четырнадцатилетний мальчик, друг и приятель Лёли. Семья Фридриха Вильгельмовича Ленгника, одного из видных руководителей большевистской партии, давно дружила с семьёй Бонч-Бруевича. Даже дачи их были почти рядом, всего через один дом.

В этот раз Миша удивился необычайной суетливости хозяев дачи. В доме был новый гость, он сидел на террасе, и

все с огромным вниманием слушали его. Миша вызвал с веранды Лёлю и стал допытываться о незнакомце.

— Кто это с такой большой лысиной и никак спокойно сидеть не может?..

Лёля ничего не хотела говорить — конспирация есть конспирация. Но потом по-дружески, взяв с Миши клятву молчать, открыла имя гостя.

О Владимире Ильиче в семье Ленгников говорили много, и вот теперь представился случай увидеть его самого.

Разговор на веранде кончился, и все вышли в сад. Демьян Бедный, взяв Ленина под руку, уговаривал сыграть с ним в шашки. Вид у Демьяна, — так звали писателя все, даже дети, — был воинственный и решительный. Шашки не шахматы! Это в шахматы Ленин всех обыгрывает, а сейчас он, Демьян, заставит его сдаться.

Игроки расположились в саду, рядом с домом. Принесли три табуретки. На одну сел Демьян, на другую — Владимир Ильич, а между ними, на третью, поставили доску с шашками.

Игра началась. Вокруг стояли немногочисленные зрители, с интересом наблюдая за сражением. Демьян играл с подъёмом, намереваясь обыграть противника. Он придумывал тонкие, замысловатые ходы и был очень собой доволен.

— А баснописец-то хитёр! — приговаривал на каждый такой ход Владимир Ильич и улыбался.

Быстрые боевые схватки проходили одна за другой, а Демьяну так и не удавалось выиграть хотя бы одну партию. Скоро у него и совсем пропал интерес к шашечному сражению. Он поднял руки...

— Жарко стало, — сказал Владимир Ильич, помогая убирать табуретки на веранду. — Вот бы сейчас искупаться и поплавать...

Миша и сам не мог понять, как он набрался храбрости и

предложил пойти на озеро. А вот когда Владимир Ильич спросил, откуда он и как его зовут, Миша от растерянности всё позабыл.

— Это сын Фридриха Вильгельмовича, Миша Ленгник, — ответил за него Демьян.

Владимир Ильич дружески поздоровался с мальчиком, и они направились к озеру.

Дорога, поворачивая влево, постепенно уходила вниз. Лес закрывал всё вокруг. Миша

стал рассказывать легенду о происхождении озера, чуть ли не на месте кратера вулкана.

Но вот последние деревья остались позади, слева и справа открылись луга, а впереди — сверкающая на солнце гладь озера Ваммель-ярви.

Миша не выдержал и побегал. Всё в порядке, их белая лодка стоит на месте, привязанная к забитому на берегу колышку!

Быстро разделись. Миша сейчас покажет своё искусство, — мало кто из мальчишек плавал и нырял, как он. Мальчик предвкушал удивление Ленина. Но он ещё не успел войти в воду, а Владимир Ильич, обдав его брызгами, побежал по отлогому дну, нырнул и показался уже далеко впереди. Отфыркиваясь, он поплыл дальше, на середину озера.

Где уж было Мише угнаться за ним, а тем более демонстрировать своё мастерство. Ему оставалось только смотреть, как крепкое, ладно скроенное тело Владимира Ильича плавно переворачивалось с боку на бок, а ладони прихлопывали воду сверху — сажёнками. Вот где сказался настоящий волжанин!

После купания Миша предложил покататься на лодке. Владимир Ильич сел на нос, Миша — на среднюю скамейку. Все ребята в посёлке считали своё озеро чуть ли не морем. И как на море, в непогоду здесь гуляли большие волны.

Вот и сейчас, когда они отплыли от берега километра на

два, свежий ветер погнал по воде белые гребешки, лодку закачало. Пришлось повернуть к берегу.

Теперь гребли в две пары вёсел. Миша налегал изо всех сил, стараясь заносить вёсла как можно дальше. Лопасты, задевая за гребни волн, разбрызгивали воду, обдавая мелким холодным душем Владимира Ильича.

На следующий день купаться с Владимиром Ильичём пошёл Владимир Дмитриевич. Бонч-Бруевич не умел плавать, но грёб хорошо. Ему было жутко смотреть на сверхдальние заплывы Ильича, и он горячо предупреждал Ленина об опасностях озера — водоворотах, холодных течениях, ямах.

— Тонут, говорите? — переспросил Владимир Ильич, раздеваясь.

— Да, тонут, вот ещё недавно...

— Ну, мы не потонем...

— Холодные течения?.. Это неприятно. Ну ничего, мы на солнышке погреемся...

— Глубоко, говорите?

— Чего уж глубже!..

— Надо попробовать достать дно...

И так каждый раз. Владимир Дмитриевич не знал, что и придумать. Звать в компанию хороших пловцов — нельзя, Ленин рассердится. Тогда Бонч-Бруевич нанял лодку и подогнал её к месту купания.

В один из дней Владимира Дмитриевича встречают и спрашивают:

Гости слёта юных туристов Ленинграда Е. В. Бонч-Бруевич и М. Ф. Ленгник.

— Кто это с вами вчера купался?.. Ну и пловец!..

— Это моряк Балтийского флота, родственник мой, — беззастенчиво сочиняет Бонч-Бруевич, скрывая полуконспиративное пребывание Ленина в Нейволе. — Приехал отдохнуть, да вот увидел родную стихию — и, как утка, сейчас в воду...

— Ну да, вот и видно, что моряк... Как плавает, как плавает!..

Но и запрятанная в кустах лодка тоже не вполне устраивала Бонч-Бруевича. Нашёлся неожиданный помощник и, главное, хороший пловец. Это был... Рекс, верный друг семьи, сильная и большая собака, помещённый в воду с сен-бернаром.

Теперь рядом с Владимиром Ильичём всегда плыл Рекс. Уж если что и случится, Рекс-то спасёт, вытащит откуда угодно и никого уж не подпу-

стит к Владимиру Ильичу. Ленин любил животных и против Рекса не возражал.

Большим приятелем Рекса был большой чёрный кот — Васька. Он спал у Рекса под животом и ел с ним из одной миски. Владимир Ильич оказался хорошим дрессировщиком и быстро научил Ваську прыгать через обруч и делать разные фокусы.

Прогулки, игры, купание, отличный сон быстро восстановили силы Владимира Ильича. Он стал просматривать газеты, читал новые книжки, увлекался романами на английском языке.

И вдруг всё сразу оборвалось. 3 июля в шесть часов утра негромкий стук в окно разбудил Бонч-Бруевича. Из Петрограда приехал посланный ЦК, большевик Макс Савельев, старый товарищ семьи Бонч-Бруевича. Влади-

мир Дмитриевич разбудил Ильича. Быстро собрались и без завтрака все вместе уехали в Петроград. На даче остались только Лёля и няня. Надвигались июльские события.

Недели через три после отъезда Ленина на дачу Бонч-Бруевича ворвался отряд морских юнкеров-гардемаринов. Они лазали по всем закоулкам, побывали в погребе, за-

брались на чердак, проткнули штыками картофельную яму и обнаружили там... осиное гнездо. Видимо, всё же кто-то донёс, что здесь, в Нейволе, отдыхал Владимир Ильич.

К счастью, он был далеко от этих мест, в своём последнем подполье, и готовил последний штурм — Великую Октябрьскую социалистическую революцию.

~~~~~

ГАГАРИН

В АРТЕКЕ

Событие это
запомним навеки —
Сегодня Гагарин
в весёлом Артеке!
Он с катера сходит
с улыбкой горячей
И сразу же тонет он
в море ребячьем.
Так вот он,
Гагарин,
с букетом стоящий,
Так вот он,
Гагарин,
живой, настоящий!
Стоит и смеётся.
И мы с ним смеёмся.

И в наших глазах
отражается солнце.
И в этот момент
каждый очень уверен,
Что он полетит
и на Марс
и к Венере.

Серёжа ВОРОНОВ,
9-а класс, 242-я школа

«Вскоре после смерти В. И. Ленина младшая группа одной из киевских школ послала Н. К. Крупской книгу, которую ребята создали сами. Они спрашивали у Надежды Константиновны совета, как надо выполнять заветы Ильича. Крупская прислала ответ и сама приняла участие в общественных делах ребят».

Об этом факте мы впервые услышали из уст известного киевского педагога Александра Фёдоровича Музыченко. Однако его давно уже нет в живых. Где же теперь искать следы этого события?..

ИЩУ ПИСЬМО Н. К. Крупской киевским школьникам... Его нет ни в собрании сочинений, ни в многочисленных сборниках писем Надежды Константиновны. А между тем именно её письмо может стать ключом ко всей этой истории.

Я перевернул кучу архивных материалов, газетных подшивок. Нет нигде!

На помощь пришёл профессор Киевского университета С. Х. Чавдаров, чьи лекции по педагогике слушали тридцать пять поколений студентов.

— Позвольте, — сказал Савва Христофорович. — Вы знали Музыченко как преподавателя института. А в двадцатые годы он заведовал сорок третьей трудовой школой на Подвальной, двадцать пять, которая размещалась в старом здании гимназии Науменко.

Раздобыв адреса, спешу к старым киевским учителям.

И, наконец, первая удача. Я встречаюсь с заслуженной учительницей республики Марией Ростиславовной Тихенко.

— Сорок третья школа?.. Давно это было, очень давно. Кажется, минула целая вечность, — задумчиво произносит она, знакомя меня со своими друзьями и старыми товарищами по работе.

Тихенко уже давно на пенсии, а начинала она свою ра-

боту в сорок третьей школе. И Надежда Николаевна Дудкина тоже провела свой первый урок в этой же школе. А Павел Павлович Чернецкий уже в те годы считался опытным учителем. Теперь ему восемьдесят пять лет.

Как появилась на свет книга? Это он помнит хорошо. Дети выпустили её, объявив себя мобилизованными на выполнение ленинского завета о ликвидации беспризорности.

В тот вечер трое бывших членов педагогического совета сорок третьей школы, совершив довольно длительную командировку в прошлое, пришли к выводу, что книгу написали пионеры третьего «А» класса.

Теперь, разумеется, хотелось не только найти книжку, письмо, но и разыскать бывших учеников этого класса, узнать об их судьбе.

Тихенко, Дудкина и Чернецкий никакого отношения к третьему классу не имели и никаких фамилий его учеников вспомнить не могли.

— Это был класс Анастасии Ивановны Дудник, — сказала Тихенко.

— Её детище, — подтвердила Дудкина.

Сравнивая некоторые факты и даты, старые учителя пришли к выводу, что всё это, наверно, было в 1926 году.

Стало быть, дети, которых мы разыскивали, появились на свет во времена революции, в год Великого Октября. Они стали школьниками в год смерти Ленина. В их ребячьих

сердцах навсегда запечатлелось прощание страны с Ильичём — те трагические и тревожные пять минут, на которые, казалось, приостановилась вся жизнь. Они много размышляли о Ленине, о своей Родине, о том, как стать хорошими её помощниками.

Пусть же нас не огорчает то, что мы пока не располагаем никакими сведениями о пионерах из третьего «А». Тихенко, Дудкина и Чернецкий назвали нам фамилии кое-кого из своих воспитанников. Начнём с них и пойдём понемногу вперёд. Когда ведёшь какие-нибудь поиски, то редко везёт так, как повезло нам в тот вечер.

ЗНАКОМИМСЯ с бывшими учениками сорок третьей школы.

Входим в новую квартиру мастера завода «Арсенал», у которого есть уже внуки; в кабинет известного украинского композитора, автора популярных опер и балетов; в цех, которым руководит инженер — в прошлом звеньевой пионеротряда; в класс, где учительствует бывший ученик сорок третьей школы.

Часто приходится слышать радостное и в то же время немного грустное восклицание: «Это было так давно!» — и мы чувствуем, что людям приятно вести беседы об их школьных, пионерских годах.

Одни вспоминают, как они проводили «поход за культурную революцию», шли из дома в дом, из хаты в хату,

добиваясь, чтоб у каждого пионера были своя зубная щётка и отдельное полотенце. Другие рассказывают, как пионеры помогали киевскому паровозо - вагоноремонтному заводу ликвидировать прорыв и развешивали на паровозах плакаты: «Быстрее выпустите нас на линию».

Мы узнаём очень много интересного. Однако наши поиски превращаются в серию неудач. Выясняется, что все наши новые знакомые на три-четыре класса младше, либо на несколько лет старше тех «неизвестных третьеклассников». И хотя кое-кто из «стариков» знает о книжке и даже заверяет, что в одном из классов на стене висела фотография, которую Н. К. Крупская прислала пионерам вместе с письмом, — третий «А» по-прежнему остаётся для нас уравнением со многими неизвестными.

Попытка найти в архиве список учащихся класса или какие-нибудь другие их следы закончилась неудачей. Помимо воли закрадывается в сердце беспокойство: неужели поискам, которые столь успешно начались, суждено застрять на полпути?

И вдруг — телефонный звонок. В трубке раздаётся взволнованный голос композитора. Он спешит рассказать об одном интересном случае.

Как-то композитор ехал на такси по улице Полупанова. Впереди образовалась небольшая пробка, и водитель затормозил. Машина стояла на-

А. И. Дудник.

против дома номер двадцать пять. Разглядывая через окно старое серое здание школы, шофёр вздохнул и улыбнулся.

С человеком часто бывает так — проходит он возле здания, где первый раз в жизни сел за парту, либо издали увидит родной школьный дом, — и нахлынут на него воспоминания.

Так было и тогда.

Шофёр сказал об этом пассажиру. И как же оба обрадовались, когда выяснилось, что они почти в одно и то же время учились в бывшей сорок третьей школе. Пассажир поступил в школу в тысяча девятьсот двадцать шестом году, а шофёр был на три класса постарше...

— Это один из тех, кого вы ищете, — взволнованно и убеждённо закончил свой рассказ композитор.

Но возможно ли среди нескольких тысяч киевских шофёров такси разыскать чело-

века, о котором известно лишь, что он, наверное, 1917 года рождения и учился в третьем классе школы на Подвальной улице, двадцать пять?

Товарищи из таксомоторного парка обещают помочь. Они предлагают вывесить объявление, либо передать его по радио у себя в парке.

А тем временем почтальон приносит мне местное письмо.

Одна из учениц Марии Ростиславовны Тихенко, узнав о наших поисках, сообщает фамилию своей старой знакомой — товарища Олевари. Если память ей не изменяет, а даты не подводят нашу корреспондентку, эта самая Галя Олевари училась в третьем «А».

Когда-то они и жили по соседству. Маленькая Галя была завзятой юннаткой и даже дома имела небольшой зооуголок с птицами, кроликами, мышами, ужами. Особой популярностью пользовались у неё зелёные лягушки.

В те времена ещё не существовала сеть широкого оповещения об изменениях погоды, а бюро прогнозов лишь зарождалось. Однако жители старого дома на улице Воровского всегда имели вполне точные сведения о том, когда пойдёт дождь. Его предвещал неумолчный крик зелёных лягушек в зооуголке Гали Олевари.

Года полтора назад бывшие соседки после многолетней разлуки случайно встретились. Во время разговора

Олевари сказала, что работает в Академии наук. Кажется, Галя говорила, что она гидробиолог.

Нетерпеливо ждём утра и ровно в девять звоним по телефону:

— Это институт гидробиологии?

— Да.

— У вас работает товарищ Олевари?

— Работает.

— Будьте любезны, попросите её к телефону. (Аж дыхание перехватило!)

— Галина Арсентьевна уехала в Африку. Вы слышите, она в Африке...

Я УЖЕ ИСКАЛ письмо Крупской в газетах первых лет после смерти Ленина. Однако теперь точно известно — тысяча девятьсот двадцать шестой год. И потому надо снова вернуться к газетным подшивкам.

Номер за номером просматриваю киевскую газету «Пролетарская правда» за тысяча девятьсот двадцать шестой год. Ничего не нахожу.

И в «Коммунисте» тоже ничего нет. Уже без особой надежды беру в руки «Киевский пролетарий». Просматриваю почти весь годовой комплект. И вдруг в номере за шестое ноября — заметка о делах пионеров третьего класса сорок третьей трудшколы и о письме Крупской.

Газета цитировала предисловие, которым ребята снабдили созданную ими книгу:

«В память дедушки Ильича

наш коллектив решил выпустить свою книгу с тем, чтобы весь доход от неё пошёл в пользу беспризорных. Желющие прочитать книгу вносят редколлегии не меньше пятнадцати копеек».

Из заметки в «Киевском пролетарии» узнаю, что ребята создали фонд помощи беспризорным. На собранные деньги они купили мануфактуру, и пионерские звенья сшили бельё для беспризорных.

Там же в заметке приводятся некоторые места из письма

Н. К. Крупской: «Вашу книжку я показывала многим — посылаю десять рублей собранных денег...»

И ещё один отрывок: «Посылаю вам

также свою детскую карточку. Было мне тогда лет восемь, жила я в Киеве на Прорезной и ходила учиться в школу на Крещатике...»

Среди снимков Крупской есть фотография девочки в форменном платье. Семья Крупской жила в Киеве в тысяча восемьсот семьдесят седьмом году во время русско-турецкой войны. Очевидно, эта-то фотография или репродукция с неё висела на стенах в третьем «А».

«Было мне тогда лет восемь...» — писала Н. К. Крупская.

ОТ СТАРЫХ педагогов узнаю, что классный руководитель третьего «А» Анастасия Ивановна Дудник в тридцатые — сороковые годы не только преподавала в школе, но и писала педагогические статьи, интересовалась научной работой.

Может быть, сохранились какие-нибудь материалы, тетради, письма Анастасии Ивановны? И нет ли среди них ценных для нас документов? Где они могут находиться? Вероятнее всего, у членов её семьи. Однако о семье Дудник старые учителя ничего определённого сообщить не могли.

Тогда я обратился к киевской телефонной книге. В ней значится несколько Дудников. Шесть телефонных звонков. Шесть вежливых ответов. Все — отрицательные. Но не надо терять надежды. Звоню ещё. Всем повторяю одно и то же — каких именно Дуд-

ников я разыскиваю. И вдруг слышу:

— Я сын Анастасии Ивановны.

Не откладывая встречи, мчусь на Золотоворотскую улицу.

Меня встречает седой полковник лет пятидесяти. И, глядя на него и на большой портрет женщины с пышной шапкой седых волос и крупными мужскими чертами лица, нахожу большое сходство между матерью и сыном.

Я рассказываю Дуднику о своих розысках. Полковник отрицательно качает головой, — никого из учеников Анастасии Ивановны он, к сожалению, не знает.

Но когда зашла речь о письме Н. К. Крупской, Ростислав Петрович поднялся со стула и начал быстро открывать шкаф. Из старой папки, извлечённой им на свет, высывался глянцевый край большого листа фотобумаги. Дудник, взяв его в руки, сказал:

— Теперь я знаю, в чём дело.

Потом медленно, немного хрипловатым голосом, он начал читать то, что было написано на этом листе:

«12/V 1926 г.

Дорогие ребята,
получила ваше письмо и книжку. Видать, вы над книжкой не мало поработали. Когда читаешь вашу книжку, видишь, какая разница между старой школой и новой.

Когда мне было 11 лет, я была в гимназии. Мы целый год писали изложение по рассказу о

добыче соли, на уроках грамматики щипали друг друга, чтобы не заснуть, а шить учились, подрубая ни на что не нужный кусок полотна.

А когда читаешь вашу книжку, невольно думаешь, как славно и как многому учатся теперь наши ребята. Пожалуй, и вправду сумеете вы построить всю жизнь по-новому, так, чтобы всем жилось хорошо.

Вашу книжку я показывала многим — посылаю десять рублей собранных денег.

Посылаю вам также свою детскую карточку. Было мне тогда лет восемь, жила я в Киеве на Прорезной и ходила учиться в школу на Крещатике.

Ну, до свиданья, ребята. Хорошо, что о других ребятах работаете. Пишите иногда.

Н. Крупская».

Это было то самое письмо, которое мы разыскивали! Среди бумаг учительницы Дудник сохранилась фотокопия с оригинала, написанного рукой Крупской.

Воспитание подрастающего поколения, его духовный мир, большевистская закалка всегда были главной заботой, делом жизни Надежды Константиновны. Об этом, в частности, свидетельствует её постоянная и очень интересная переписка с пионерами.

Ещё раз перечитывая строчки, написанные чётким

почерком Надежды Константиновны, я хочу уяснить, какие мысли родились у Крупской, когда она получила книжку третьего «А». Как интересно было бы почитать эту книжку теперь, через тридцать пять лет после её выхода! Но где она?

Не спрашиваем её в библиотеках. «Киевский пролетарий» в своё время писал, что она была напечатана всего в нескольких экземплярах.

Ростиславу Петровичу Дуднику она не попадалась в руки. Однако он сам говорит: «Ежели сохранилось письмо, то, возможно, есть и образец книги».

И, отдавая фотокопию письма, он предлагает в самые ближайшие дни, как только вернётся из командировки, разобрать бумаги Анастасии Ивановны.

В ТО ВРЕМЯ, пока гидробиолог Галина Арсентьевна ездила по Африке, мы с помощью её родных разыскивали школьных подруг Гали Олевари. И нашли звеньевую Ирину Радченко. Когда-то они с Галей сидели за одной партой.

Ныне Радченко врач-эпидемиолог, сотрудник районной

санитарно - эпидемиологической станции, находящейся недалеко от Киева.

У Ирины Сергеевны хорошая память, и она так интересно рассказывает о школе, о пионеротряде и своём классе, словно всё это было не тридцать пять лет назад, а только вчера или позавчера.

Выясняется, что на том месте, где теперь на улице Воровского высится громада недавно построенного рынка, когда-то находилось хозяйство пионеров третьего «А». Мысль о коллективном хозяйстве зародилась впервые на пионерских сборах, когда сообща решали вопрос, как надо выполнять заветы Ильича. Весь доход от коллективного хозяйства должен был пойти в фонд борьбы с детской беспризорностью.

Ирина Сергеевна сказала нам:

— Если вы найдёте книжку, то прочтёте в ней, какими взятыми огородниками мы были и какие хозяйственные планы претворяли в жизнь.

Письмо от Н. К. Крупской пришло как раз в те весенние дни, когда весь класс работал на огороде. Пионеры обрабатывали два гектара и в дальнейшем собрали хороший урожай. Осенью тысяча девятьсот двадцать шестого года их фонд помощи беспризорным составлял уже немалую сумму.

Как раз той же самой осенью класс «усыновил» беспризорного.

Среди обитателей ям на Владимирской горке был мальчишка лет десяти-одиннадцати. Увидев этого Петруся, пионеры стали следить за ним. Он был самым младшим в шайке и очень любил рисовать. Палочкой на песке, а то и просто пальцем он рисовал картинки из жизни беспризорных, портреты своих товарищей, одетых в лохмотья.

Пионеры третьего класса постановили вырвать мальчишку из шайки. Класс взял его на своё содержание, купил ему одежду, книжки и тетради. Жил он в детдоме на улице Горького, с воспитанниками которого пионеры третьего «А» дружили, а учился в сорок третьей школе. Третий «А» стал его опекуном...

Теперь в наших руках уже был список учеников класса. Кроме того, у Ирины Сергеевны сохранилась фотография. Со снимка, сделанного той весной, когда класс готовил книгу, на нас смотрят сорок пар пытливых детских глаз.

И, рассматривая старую фо-

тографию, невольно думаешь: сорок девочек и мальчуганов далёкого двадцать шестого года, как же сложилась ваша жизнь, ваша судьба?

С таким именно вопросом мы и обратились к Ирине Сергеевне.

Радченко задумалась, провела рукою по своим коротко подстриженным и уже седым волосам.

— Мы кончали школу в годы первой пятилетки. Вокруг кипела жизнь, шло великое строительство, большинство из нас увлекалось техникой. Всем хотелось строить.

Первым вожатым пионеротряда у нас был молодой рабочий с завода. Мы с ним всё подшефное село радиофицировали. Даже пионерские звенья назывались у нас так: «Электро», «Деталь», «Мотор», «Динамо». И вот глядите, — Ирина Сергеевна взяла фотографию в руки: — Лёня Реут, Игорь Соляков, Толя Буликов, Жора Жемчужников, Пётр Коротков... Это все люди техники — инженеры, мастера, механики... Строители, — добавила она, увидев худощавого кудрявого мальчугана, который на снимке сидит во втором ряду среди десяти девочек. — Это Юрко Чернецкий, — пояснила Ирина Сергеевна. — Инженер-строитель. Он всё время в Волгограде на партийной работе, принимал участие в его восстановлении, теперь, ка-

жется, ведает благоустройством города... Погодите, — продолжала она, — я вам назвала одних мальчишек. Но у нас и большинство девочек приобрели технические специальности, пошли в технику. Галя Шулькевич — старший специалист по проектированию жилых зданий и культурных учреждений. Нина Толстопяткова — экономист. Рита Городецкая — инженер. Вот недавно встретила Фаню Ямпольскую. У неё уже дочка радиоинженер, а сама она — химик-технолог, специалист по производству нового строительного материала — пенопласта.

О шофёре из таксомоторного парка, который тоже был когда-то учеником третьего «А», Радченко ничего сказать не может.

ПОЛКОВНИК Дудник вспомнил о своём обещании. Он вернулся из командировки, и в первое же воскресенье мы начали с ним разбирать бумаги Анастасии Ивановны. Просмотрели много папок,

тетрадей, книжек. И безуспешно. Но Ростислав Петрович не сдавался. Из какого-то дальнего уголка он извлёк целую корзину.

Был уже поздний вечер, когда в одном из пакетов, перевязанном верёвкой, среди газетных вырезок на школьные темы, мы увидели аккуратно переплетённый том. На обложке красками было написано: «Книга для чтения. Составлена под редакцией редколлегии. Киев. 1926 год».

Быстро раскрываем книгу. «В память дедушки Ильича...» Обращение к читателю, уже знакомое нам по «Киевскому пролетарию»... Рассказы, статьи, стихи... Детские рисунки — их не спутаешь ни с какими иными.

Мы радостно переглянулись. То самое, что мы искали!

Читаем страницу за страницей. О Ленине и его заветах. О детских домах, которых ещё мало, и о борьбе с безпризорностью — «наследием войны и голода». О школе, учёбе и пионерской работе. «Организуйте самих себя». «Вместо „кое-как“ — план». «Вместо „когда-нибудь“ — определённое время». «Вместо „авось“ — точный расчёт». Товарищ пикор требует этого от себя и от своих одноклассников. А другой пикор — то есть «пионерский корреспондент», — вооружившись стихотворными строками, говорит о помощи новичкам — «зелёной мелюзге», а потом, перейдя на язык суровой про-

зы, критикует недостатки: «В нашем коллективе не все успевают... За время летних каникул мы стали слишком болтливы...»

Мы читаем впечатления ребят об экскурсии на завод, в мастерскую, их рассказы о своём доме и своей улице. Далее следует цикл наблюдений юных натуралистов за природой и рассказов о ней, таких, как, например, «Подслушанная беседа листа с деревом»...

Чем больше углубляемся мы в чтение, тем больший интерес вызывает у нас этот необыкновенный том, который по-своему рассказывает о неповторимом времени, о молодой Советской стране и её ребятах.

От своих городских дел авторы книги переходят к проблемам сельского хозяйства.

Юные художники сотрудничают с публицистами. И рядом с плакатом, на котором наглядно показано, что на каждого грамотного в стране пока что приходится по трое таких, которые не умеют ни читать, ни писать, — статья пионера, который мечтал о полях без меж, о ста тысячах тракторов. И как тут не воздать должное фантазии юного художника, который более тридцати пяти лет назад нарисовал тракторный поезд, удивительно похожий на современный.

За окном уже ночь. Прозрачно-синяя и какая-то необыкновенная даже для киевской весны.

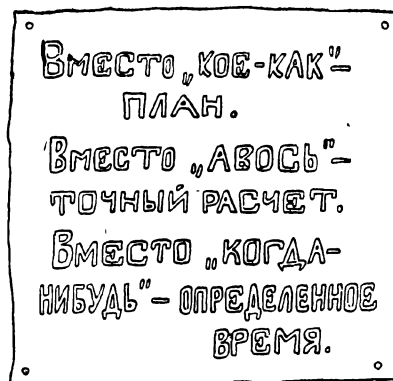
Давно заснули внуки Анастасии Ивановны, им завтра утром в школу. А мы с Ростиславом Петровичем всё ещё сидим над коллективным произведением третьего «А» — над книжкой по-ребячьи непосредственной и одновременно серьёзной.

Снова перечитываем письмо Надежды Константиновны. Оно было написано под свежим впечатлением от книги киевских школьников, преисполненных великой веры в их будущее, про которое ребята из третьего «А» распевали: «Близится эра светлых годов...»

Я ИЗ ПЕРВОГО таксомоторного. Мне сказали, что вы меня разыскиваете...

Так мы познакомились с Григорием Кушниковым, одним из лучших шофёров такси города Киева.

...Жили-были на свете четверо мальчишек с красными галстуками, четверо неразлучных друзей, которые сидели в классе за соседними партами. Они входили в пионерское звено «Мотор», со-

ставляли редколлегию классного журнала под названием, которому через тридцать пять лет суждено было стать символическим, — «Спутник». Мальчишки эти были инициаторами многих начинаний третьего «А». Звали их Гриша, Сергей, Пётр и Жора.

Потом жизнь и годы разбрасали их в разные стороны, в разные уголки страны, но они поддерживали связь между собой. Один из них стал инженером, другой — военным, третий — аспирантом, четвёртый — шофёром.

Когда началась Великая Отечественная война, они были уже зрелыми, закалёнными людьми. Им довелось пройти немало фронтовых дорог. И в том великом, что зовётся Победой, была частица и их труда.

Вернувшись с фронта и даже не скинув ещё солдатские сапоги, Григорий поспешил разыскать Сергея Гришпанна. Он знал, что Сергей — инженер по специальности — служил в артиллерии, воевал на Ленинградском фронте,

но вестей от него давно не поступало.

Отца Сергея — потомственного строителя — Григорий помнил как человека мягкого, но энергичного и полного жизненных сил. А сейчас он увидел старика с жёлтым, высохшим лицом. Гриша понял всё без слов. Он мог утешить отца тем, что целый вечер перечитывал с ним фронтовые письма Сергея.

Из этих писем Григорий узнал о судьбе ещё одного товарища. В их классе учился Николай Гоголь-Головня — паренёк кроткий и спокойный. Когда-то он ведал фондом помощи беспризорным. Коля был потомком писателя. Троюродный племянник великого Гоголя избрал себе профессию инженера. И случилось так, что Николай и Сергей попали в одну артиллерийскую часть. Они вместе воевали на берегах Невы, и в жестоком бою недалеко от Ленинграда Николай Гоголь был смертельно ранен.

Трое давних друзей из третьего «А», которые много лет спустя снова просматривали «Книгу для чтения», испытали чувство грусти особенно остро.

Этими тремя были инженер-полковник Пётр Коробков, шофёр Григорий Куширов и кандидат наук Георгий Жемчужников.

ИЗ АФРИКИ вернулась Галина Арсентьевна. Это очень бойкая, энергичная и весёлая женщина. Глядя на неё, никогда не подумаешь, что всю жизнь она посвятила изучению рыб и животного мира на дне водоёмов.

Лаборатория этого научного работника не здесь, в институте гидробиологии, на шумной киевской улице, а на Днепре, на Днестре, на Каховском море. И даже в далёкой Африке, на берегах Нила, её не оставляли думы о том, как в дунайском лимане акклиматизируются ракоподобные организмы и

моллюски, издалека привезённые лётчиками.

Слушая гидробиолога Олевари, мы думаем о том, какой серой и скучной была бы жизнь, если бы не это огромное разнообразие человеческих интересов и увлечений.

У нас должна была состояться встреча с ещё одним биологом — Анной Васильевной Мельниченко, которая тоже училась когда-то в третьем «А» сорок третьей школы.

К разговору надо хоть немного подготовиться. И когда мы шли в научно-исследовательский институт, некоторые представления о сфере интересов доктора медицинских наук А. В. Мельниченко у нас уже были...

Ещё молодой аспиранткой Анна Васильевна начала исследования по изучению межклеточного вещества живых организмов. Во время войны на неё обрушилась большая беда: пропал весь собранный ею экспериментальный материал и, стало быть, почти законченная научная работа. Пришлось после войны всё начинать сызнова.

В медицинских кругах знают разносторонние исследования Мельниченко в области изменения внеклеточных структур при туберкулёзных заболеваниях.

Стоишь возле лабораторных шкафов, где на банках с формалином написано: «Архив свинок Анны Васильевны», «Петухи 1961 года»,

«Кролики доктора Мельниченко», — и начинаешь уяснять себе, что каждому из этих экспериментов учёный отдал какую-то частичку собственного сердца. Однако без этого нет ни науки, ни учёного.

Анна Васильевна не очень охотно рассказывает о себе. Однако и она волнуется, вспоминая, как маленькой девочкой приходила на пионерскую линейку. Каждый, выйдя на два шага вперёд, говорил, как он собирается жить и выполнять заветы великого Ленина.

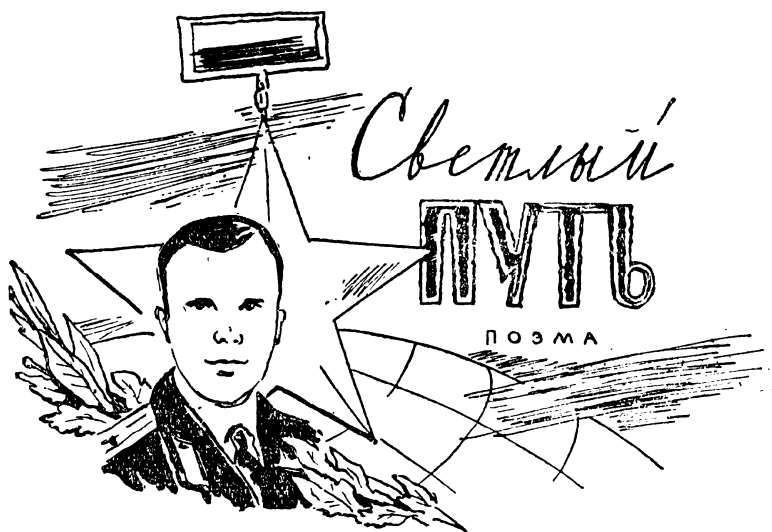
В ТО УТРО тысяча девятьсот двадцать четвёртого года, когда они впервые переступили школьный порог, учительница Анастасия Ивановна Дудник каждому подарила по красной гвоздике. Такова была там традиция.

Цветок надо было засушить и сберечь на память.

Теперь тем школьникам по сорок пять лет. Какой длинный путь пройден и какие нелегкие годы пережиты! Сама жизнь испытывала их верность великим идеям, тем заветам, о которых после смерти Ленина школьный класс писал в письме Н. К. Крупской.

— Я не знаю, чтобы хоть кто-нибудь из наших не поддерживал этого главного экзаммена, — сказал нам шофёр Кушников.

Перевод с украинского
В. САШОНКО

Над старым кедром,
Над ветвистой елью,
Над сопками
В ушанках снеговых
Всходило солнце,
В синий мир апреля
Снопы лучей
Бросая золотых.
Над глубиной
Немолчного Байкала,
Над вышиной
Седых Уральских гор
Весенней песней
Солнце пролетало,
И вторил песне
Звонкий птичий хор.
И таял снег
На дальних расстояниях,
Водой сходил
И в той воде тонул.
Земля жила
Весенним ожиданием,
Как будто знала
Важность тех минут.
Но ничего ей
Не было известно
Заранее:
Ни часа, ни числа...
И Алексей Гагарин
Под Смоленском
Шёл по своим,
По плотничьим делам.
Крестьянской кости,

Невысок, да крепок,
Он был в отца
И в деда своего.
Односельчане
Поднимали кепки,
Издаലെка
Приветствуя его.
Не по какой
Особенной причине,
А просто
Так ведётся у друзей,
Все спрашивали
Новости о сыне,
А он не знал
О сыне новостей.
Да, он не знал,
Как вся Земля
Не знала,
Что сын его
В одну из тех минут,
Волнуясь, шёл
В комбинезоне алом
По тропке космодрома
Байконур...
Тянулись ввысь
Конструкции стальные,
На солнце
Расплескавшись синевой,
Он шёл на старт,
И вместе с ним
Россия
Шла в этот миг

Тропинкою одной:
Вся даль лесов,
Полей её безбрежье,
Озёр и рек
Бурливая краса,
И скромно лиловеющий
Подснежник,
И гордые
Заводов корпуса,
И люди все —
Далёкие, родные,
И каждый с ним
Одним дыханьем жил!
Он шёл на старт
И в сердце
Всю Россию—
Родную землю
В космос уносил.
Весенний воздух
Плыл теплом и прелью,
И разгоралась
Яркая заря —
День наставал,
Двенадцатым апреля
Отмеченный
В земных календарях...

Закрыты люки.
Время к старту близко.
А мысль одна:
«Идти, не отступать!
Ждёт неизвестность,
Связанная с риском,
Но жить без риска —
Значит, не летать!»

А он хотел
Взлететь в такие дали,
Куда никто
Доселе не взлетал...
Ему отсчёт
По радио давали,
А про себя
Он тихо повторял:
— Три...
Два...
Один...
В огромном напряженье
Корабль застыл,
А огненный поток
Ударил вниз
И силу притяженья
Преодолеть
Своею силой смог.
О, как росли
В кабине перегрузки,

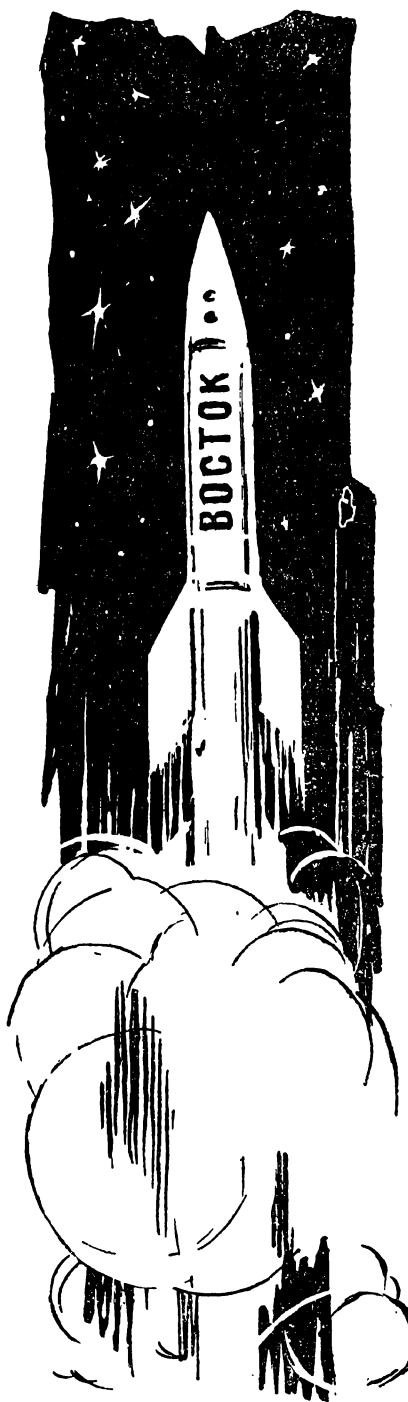
Как медленно
Сдавалась высота!..
Но вот на Землю с неба
Парень русский
Взглянул, сказав:
— Какая красота!
И были ясно
Приняты Землею
Два этих первых
Слова неземных.
И говорит
Отчизна со звездой
Сигналами
Московских позывных.
И новый день
Восходит над планетой,
Как наших дел
Блистательный итог,
Ведь не напрасно
Названа ракета
Не как-нибудь,
А именно — «Восток»!

А на «Востоке»
Человек, как дома,
Смотрел в окно
На звёздный небосвод.
Таинственная прежде
Невесомость
Уже привычной стала
Для него.
— Я — космонавт!
Всё хорошо!
Порядок!
И билось сердце,
Радостно звеня:
Валюша! Слышишь?
Милая, не надо
Напрасно
Волноваться за меня!
...И он работал,
Точно, аккуратно
В тетрадку
Наблюденья заносил,
И всё же не заметил,
Как внезапно
День новый
На ракете наступил.

Да, день пришёл!
Планета голубую
Предстала
Со вселенской высоты.
Виднелись,
Величавы и спокойны,
Материков
Знакомые черты.

Но он-то знал,
 Как трудно миру было,
 Что мир прошёл
 Сквозь миллион смертей,
 Но всё равно
 На воинских могилах
 Тянулись к солнцу
 Кроны тополей.
 И памятью прошедшего
 Взволнован,
 Он, видевший
 Пожары и войну,
 Летел над миром
 И сердечным словом
 Приветствовал
 Пришедшую весну.

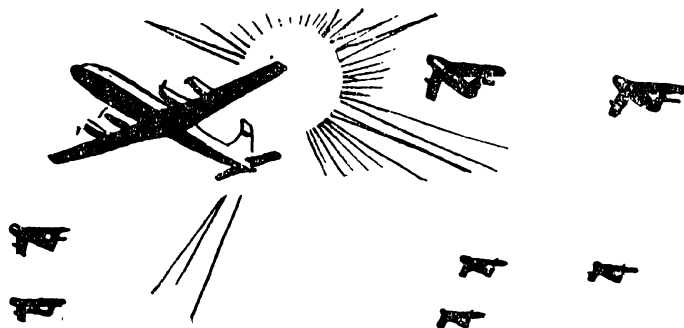
Весна над Волгой шла
 И Амазонкой,
 Над Вашингтоном шла
 И над Москвой,
 И отступали
 Тени горизонта
 Перед её лучистой синевой...
 На свете раньше
 Было всё сравнимо,
 Но этот подвиг
 Вряд ли с чем сравним.
 И матери
 Давали «Юрий» имя
 Новорождённым
 Мальчикам своим.
 И было это,
 Как весны примета,
 Как достижение
 Высшей из высот.
 В одном порыве
 Встала вся планета,
 Чтоб поглядеть
 На синий небосвод,
 Измерить взглядом
 Купол необъятный,
 Который стал
 И близким, и родным.
 И было людям
 Сознать приятно,
 Что мы, земляне,
 Породнились с ним.
 Тому свидетель —
 Скромный русский парень,
 Который в небе
 Представлял народ.
 Ведь гордая фамилия
 Гагарин
 Не из князей
 Ведёт свой знатный род,
 А из крестьян

Губернии Смоленской.
 Их знатность в том,
 Что бороздою шли
 И в этой трудной

Доле деревенской
Любовь к земле
Навек приобрели.
Она ему
В полёте помогала,
По возвращенье
Счастье принесла.
Ведь Родина
И слышала, и знала,
И сына-победителя
Ждала.
Вся даль лесов,
Полей её безбрежье,
Озёр и рек
Бурливая краса,
И скромно лиловеющий
Подснежник,
И гордые
Заводов корпуса,
И люди все —
Далёкие, родные,
И каждый
Этот миг, волнуясь, ждал.
Он шел на спуск,
И сердцем всю Россию —
Родную Землю
С неба обнимал.
И миг настал!
Всю Землю облетевший,
На Землю возвратился
Человек!

И он,
Всегда владеть собой
Умевший,
Смахнул слезинку
С повлажневших век,
И улыбнулся
Широко, открыто,
И до земли
Дотронулся рукой —
Рабочею рукою
Деловитой! —
Он,
Видевший всю Землю
Голубой!
Он,
Бывший там,
Где только звёзды рядом,
Ну, кажется,
Рукой до них достать!
Он крепко знал,
Что это — людям надо,
Чтоб выше звёзд
И дальше звёзд летать
И возвращаться
На свою планету,
Чтоб вновь любовь
И вновь друзей найти,
Другим
Передавая эстафету
Космического
Светлого пути!

РАССКАЗ

ПОТЁПКА! Какой манси не знает этого имени! Как имя зверя, как имя рыбы знакомо оно манси. Но почему же мужчины при виде Потёпки смотрят поверху, словно гордые лоси, а женщины косятся по сторонам, подобно трусливым зайцам? Почему это имя такое быстрогоногое, что всюду знают его на моей земле?

Знают его манси, но не знают русские. Я — манси, я — знаю! И хочу рассказать всем, кто брат и друг моему народу. Потому что нет у меня от братьев тайн, и думы свои не прячу я от друзей манси. Слушайте.

В годы, когда я был маленьким, внимали манси тёмным словам Потёпки. Слова же эти были такие:

— Я всеильный шаман и могу говорить с небом. Дружат со мною шайтаны, речи мои доходят до бога. Не забывайте неба, манси, иначе счастье никогда не найдёт к вам дороги. В домах же ваших поселятся болезни и нечисть!

В те дни, когда слушал на-

род манси речи шаманов, умер мой дед. А потом заболел я и стал слабее утёнка, только что вылупившегося из яйца.

Сказали соседи родным:

— Душу мальчишки унёс в могилу дед. Ступайте к шаману, он вернёт мальчику душу, и тогда сын ваш снова станет здоров и весел.

Послушались родные соседей. Положили в сани телёнка, рядом положили меня и привезли под вечер в дом шамана. Здесь родные зарезали в жертву богам телёнка и внесли его вместе со мной в дом.

В доме увидел я много народу. Старик с головами белее снежных вершин, старухи с морщинами, точно трещины глинистых берегов Сосьвы, ребяташки юркие, озорные, как белки, степенные мужчины, пугливые женщины — все собрались у Потёпки и все сейчас смотрели на меня.

И вот затлел где-то в доме сэныг.¹ Наполнился дом вол-

¹ Сэныг — нарост на берёзе. Тлея, он наполняет воздух приятным ароматом.

шебным воздухом, которым дышат только шайтаны в небе. Как исчезает в бурном прозрачном потоке мутная струйка воды, так исчезли, когда затлел сэныг, дурные запахи в доме Потёпки.

Потёпка же взял в руки топор и сел в переднем углу. Но прежде чем сесть, шаман потушил лампу. Стало в доме темно, так темно, точно не было никогда на небе луны, точно солнце само себя поглотило!

Было темно, было тихо, все боялись дышать. Знали, в эти минуты шаман собирается говорить с небом, подбирает слова, понятные только богам.

Вдруг услышал я дробные звуки: э-кэ-кэ-кэ-кэ-кэ! Э-кэ-кэ-кэ-кэ-кэ!

А потом донёсся до нас голос Потёпки:

— Слышите? Это шайтан бросает в меня стрелы. Сердится, что долго слов небесных не нахожу!

И опять наступила тишина, такая тишина, точно не было на земле ни людей, ни зверей, ни птиц, ни ветра, ни волн, ни шума лесов.

А потом, тихо, почти неуловимо, точно робкое токование тетерева, поплыла по комнате песня. Её пел Потёпка. Медленно, подобно каплям тающего снега, возникали непонятные слова. Постепенно слова становились громче, громче, и вот они уже наполнили весь дом, пронзительные, непонятные, таинственные слова.

Неожиданно песня разом оборвалась, и Потёпка сказал:

— Недоволен небесный шайтан, недоволен. Маленького телёнка принесли ему в жертву. Надо ещё одного телёнка принести ему завтра в жертву.

Умолк Потёпка. Я сидел и трясся от страха. Так дрожит зеркальная гладь озёр, когда мчатся над ними сердитые ветры.

— Ждите! — раздался в темноте голос шамана. — Сейчас прилетят шайтаны. Вы не увидите их, но вы услышите их! И первым прилетит шайтан Ялпус-ойка! Ялпус-ойка! Он единственный, кто может подниматься к богам в небеса и опускаться в подземное царство нечисти. Вот он! Он близко! Он летит! Всесильный Ялпус-ойка превратился в железную птицу лули. Замрите! Он летит!

И я услышал, и все услышали, как железные крылья лули рассекают со свистом воздух. Свист приближался, становился сильнее, потом вздрогнули стены дома, и кто-то ударился о священный стол в священном углу. Я услышал частое тяжёлое дыхание. Так дышит человек после долгого бега с непосильной ношей на спине. То явился шайтан Ялпус-ойка!

Вслед за ним стали являться другие боги. По-разному являлись они. Кто приезжал на оленях, — мы слышали скрип полозьев на мёрзлом снегу, кто приезжал на конях, — мы слышали свист

кнута и цокот копыт, кто приходил пешком, — мы слышали грузные шаги под окнами дома. И каждый раз из темноты раздавался голос Потёпки. Он выкрикивал имена шайтанов.

— Ялпус-ойка! Отец всех шайтанов!

— Ас-катиль — Яныт-ойка! Повелитель Оби!

— Тагт-катиль-отыр! Повелитель верховья Сосьвы!

Называл он и других шайтанов, но я уже не помню сегодня их длинных и трудных имён. С каждым из них Потёпка здоровался:

— Здравствуй, из дальних земель пришедший шайтан!

И все мужчины повторяли в темноте:

— О, здравствуй, здравствуй, из дальних земель пришедший шайтан!

Когда собрались все боги, Потёпка начал шаманить. Снова затянул он песню на небесном языке. Мы же все сидели в страхе, не понимая языка богов. Но потом появились в песне слова понятные, и я разобрал, о чём пел шаман.

— Мало, мало приносите жертв вы богу! Гневаются на вас шайтаны—сыновья небес!

Опять появились в песне таинственные слова, понятные только небу. Но вдруг оборвалась песня, и Потёпка сказал:

— Поведали мне боги: душу мальчика унёс в могилу его дед. Цепкими костлявыми пальцами держит он душу парнишки и не хочет её выпустить. Но говорящий шайтан

Ялпус-ойка внял моим просьбам. Он полетел к могиле старика. Сказали мне шайтаны: ещё немного, и умер бы мальчишка, потому что не может долго жить человек без души.

От этих слов пот начал струиться по моему лицу и волосы зашевелились на моей голове. Вдруг дед не выпустит моей души! Тогда я умру сейчас же, здесь, в доме шамана! В темноте мерещился мне лежащий в гробу дед и в скрюченных пальцах его извивалась голубовато-дымчатая душа моя...

Опять послышался где-то неясный далёкий звон. Я понял, что Ялпус-ойка летит обратно. Снова железные крылья лули рассекали воздух, снова кто-то ударился о священный стол, и опять послышалось частое дыхание человека, бежавшего долго с тяжёлой поклажей на спине.

— Ему было нелегко, — воскликнул Потёпка. — Ялпус-

ойка долго бился за душу мальчишки!

Я сидел, цепenea от страха, и мысли мои путались в голове. Вдруг в священном углу возник едва слышный писк.

— Спасённая душа пищит в руках сына бога, — пояснил шаман. — Подведите мальчику к священному столу.

В темноте меня подвели к столу. Я знал, что за столом сидят все шайтаны. Сердце моё, подобно трепещущей рыбе, готово было выскочить из груди.

Когда я достиг стола, то почувствовал: к голове моей прикоснулась чья-то рука.

— Не бойся, — услышал я совсем рядом голос Потёпки. — Это дедушка Ялпус-ойка гладит тебя по голове, душу твою возвращает телу. Чувствуешь, как стало тепло тебе.

И правда, по моему телу потекло тепло, точно выпил я кружку горячего сладкого чая. Каждая жилка во мне сейчас

ликовала: «Я не умру, снова душа живёт в моём теле! Потёпка, всеильный Потёпка вернул мне душу!»

Опять услышал я в темноте голос шамана:

— Боги не забыли тебя, народ манси. Небо смотрит на тебя, народ манси. Не дерзай нарушить древние законы и обычаи своей земли. Слушай шаманов, народ манси!

Старухи, что сидели вокруг меня, зашептались:

— Счастье, что живёт среди нас такой шаман!

— Без шамана наши души иссохли бы, как сохнет вяленая рыба!

— Боги слушают нашего шамана. Они вернули душу мальчишке!

ДВАДЦАТЬ удивительных лет прошло с тех пор. Я живу в самом красивом на земле городе, я живу в Ленинграде. Я живу в Ленинграде и вспоминаю иногда о шайтанах. И мне не бывает при этом смешно. То было детство... Детство моё и моего народа. А в детстве случается всё. В таинственных лесах живут удивительные феи. В деревьях обретаются злые духи — Менкв. Реки населены водяными людьми. В подводном царстве есть дома. В них живут люди — злые и добрые, такие, как и на земле. Но дома злых стоят там; где вечно пляшут неутомимые волны, где водовороты бешено крутят плывущие деревья, где тонут даже большие лодки. Длинными руками злые подводные жители

увлекают земных людей в своё рыбе царство.

Да, в детстве бывает всё. И в детстве веришь всему, всякому вздору. Веришь даже тому, что шаман спас твою душу. Но детство не вечно. Я вырос и покинул обжитую землю отцов. Другими глазами смотрю я на изменившийся мир, и прошлое кажется мне сном ребёнка, где страх и радость, где горе и счастье всегда живут рядом. В иные дни мне кажется, что ничего этого не было: ни шайтанов, ни Потёпки, ни жертвоприношений... Не было этого...

Но этим летом вернулся я в свои родные места и увидел Потёпку. Я не сразу узнал его, потому что встреча моя произошла так.

Из окна отцовского дома заметил я на высоком берегу Сосьвы толпу мальчишек. Среди толпы малышей вертелся кто-то большой и неуклюжий. Можно было подумать, что это медведь исполняет мансийский танец.

Мальчишки прыгали вокруг танцора, корчили рожи и гоготали, как осенние гуси. Я вышел из дому посмотреть, кто пляшет в такую рань на берегу Сосьвы. Это оказался Потёпка. Бесцветные глаза его с красными прожилками излучали веселье, неутомимые руки извивались, точно толстые сучья на сильном ветру. Он танцевал и пел. А вокруг него прыгали ребятишки. Они прыгали и задавали Потёпке вопросы. А он отвечал, отвечал, продолжая плясать.

Мальчишка не выше маленького оленёнка спросил протяжно-напевно:

— Почему Гагарин летает по небу? Он не шайтан, он человек, почему же он так высоко летает? Почему мой отец не может взлететь к небу? Мой отец грамотный, он учитель, а подняться в космос не может?

Потёпка не прервал своей пляски, он только чуть-чуть замедлил её. Замедлил и запел в такт своим движениям:

*Маленький, точно палец,
мальчик
Задал мне, старику, вопрос:*

*Почему не шайтан —
человек Гагарин
В небо взлетел, поднялся
в космос?
Слушай, маленький, точно палец,
мальчик.
Носит Гагарин имя священной
птицы гагары,
Потому и взлетел он до самого
неба.
Лули эту птицу зовут
по-мансийски,
По-русски гагарой её называют.
Ялпус-ойка, могучий и добрый
шайтан,
Летая по небу, всегда обращался
в гагару.
Тысячу лет летал он железною
птицей гагарой,
Потому и Гагарин взлетел
в космос,
Маленький, точно палец,
мальчик!
Отец твой учит детей в школе,
Но он не может взлететь в небо,
Потому что не носит имя
священной птицы,
Выше шайтанов летает в небе
Гагарин!
Хорошо, что он носит имя
священной птицы лули!
Хорошо!*

Гортанные звуки певца вернули меня к далёкому детству. Это был он, шаман Потёпка. И ребятишки, ростом с маленьких оленят, смеялись над ним, прыгали вокруг него, корчили ему рожицы и ничуть не боялись его. Им было столько же лет, сколько было мне, когда привезли меня умирающим в дом Потёпки. Сердце моё трепетало тогда от страха, как трепещет живая плотвичка в руках человека! О, как я боял-

ся шамана Потёпку, как верил в него тогда!

Потёпка кончил плясать и, тяжело дыша, опустился на берег. Я подошел к нему и поздоровался. Он посмотрел на меня хитрыми выцветшими глазами и спросил, кто я такой.

Я сказал:

— Я тот, кому шайтан Ялпус-ойка вернул когда-то душу. Помнишь?

Он снова вскинул на меня быстрый взгляд и отрицательно мотнул головой. Тогда я спросил:

— Что делаешь ты теперь? Разве идут к тебе больные колхозники? Разве привозят они к тебе детей? Вчера я видел больницу в нашей деревне. В больницу, а не к шаману идут нынче больные.

Потёпка легко вскочил на ноги и выкрикнул:

— Больше я не шаман! Теперь я артист! Советский артист!

Сказал и снова пустился в пляс. И снова вокруг него запрыгали ребятишки. Они смеялись над Потёпкой, они гоготали, как гогочут, взлетая, осенние гуси...

ПОТЁПКА сказал правду. Он действительно стал артистом, быть может, лучшим артистом манси.

Каждый год проходит теперь в мансийских деревнях смотр художественной самодеятельности. И на сцене нашего сельского клуба, что построен позади школы, я увидел певцов и танцоров родной

деревни. Сначала вышел хор. Это был маленький хор — всего десять человек. Он исполнил много песен на мансийском и русском языках. После хора на сцене оказались две девушки в платьях, расшитых мансийским узором. Большие цветастые платки покрывали

их головы. Девушки плавно, подобно орлицам в небе, кружились на клубной сцене. Они танцевали «Куриньку» — женский мансийский танец.

Наконец на сцене появился Потёпка. В руках его был санквалтап. Потёпка провел слегка пальцами по струнам звонкого санквалтапа и запел:

*Живу, думаю, думаю,
Трудно человеку жить
                                без колхоза,
Очень плохо жить без колхоза!
Живу, думаю, думаю.
Трудно плыть на лодке против
                                течения,*

*Очень трудно!
Плохо на лодке плыть
                                без мотора!
Если поймаешь много рыбы,
Попробуй до берега вёслами
                                догрести!*

*Не догребёшь!
Живу, думаю, думаю,
Грести веслом, как в старину,
Очень плохо!
Трудно человеку жить
                                без колхоза!
Как зимою пойдёшь в селенье
                                далёкое?*

*Пешком, как в старину?
Живу, думаю, думаю.
Зачем в старину народу шагать?
Вперёд, не назад человеку
                                шагать пристало!
Живу и думаю, думаю,
                                думаю!*

Потёпка пел, а санквалтап его звенел, как ручей, завывал, как буря, шумел, как лес на ветру, щебетал, как птицы на рассвете.

Он пел и рассказывал в песнях о своей извилистой жизни. Пел о том, как ушёл он от но-

вой жизни в тайгу, чтобы жить с одними деревьями, чтобы жить с деревянными идолами. Но скучно ему стало в тайге. Нет, не понимали деревья человека. И птицы человека не понимали. А идолы без людей оказались бессильными и не могли творить никаких чудес. И тогда вернулся Потёпка в деревню, чтобы жить со всеми, чтобы веселить песней сердца и души людей.

Кончил Потёпка петь, замолк его санквалтап. И тогда все стали говорить, что Потёпка пел хорошо, что Потёпка пел правильно, что Потёпку надо отправить в область, куда съедутся лучшие артисты манси.

После концерта в клубе начались танцы. Танцевали под баян и радиолу. Парни и девушки неловко кружились под звуки вальса «Амурские волны». Они ещё не привыкли к незнакомому танцу. Когда заиграла радиола, Потёпка не выдержал и тоже пустился в пляс. Он подпрыгивал на месте, выкрикивал неизвестно кому:

— Потёпка артист! Он умеет всё танцевать. И русские пляски тоже умеет!

И Потёпка отплясывал «Барыню» под фокстрот.

Древняя старуха, с головою белее снега на кедре, не отрывала колючих маленьких глаз от Потёпки. Она следила за каждым движением его и, кривя беззубый рот, злобно шамкала:

— Пляши, пляши! Шайтан покинул тебя и никогда не вер-

нётся к тебе! Скоро ты запляшешь на крышке своего гроба!

И ещё одна старуха, закутанная в платок, скрипела:

— Смотрите, до какого позора дошёл он. Ноги его обуты в кисы покойной жены! Разве забыл он запрет шаманов: нельзя мужчинам носить женские кисы!

А Потёпка вертелся среди парней и девушек. Пока танцевали они, танцевал и он. Нельзя было понять, что танцует бывший шаман: все танцы — старые и новые, мансийские и русские — он соединял в один пляс...

Снова услышал Потёпку я в областном центре. Он вышел на сцену, и многие усмехнулись в зале. Помнили люди: Потёпка — бывший шаман.

Потёпка скользнул пальцами по санквалтапу и запел «Песню летящих гусей». И все, кто был в зале, услышали, как сильные, гордые птицы рассекают крылами воздух, и мы ощутили бескрайний простор небес и счастье полёта под облаками.

Я прикрыл глаза и вновь, как в детстве, оказался во власти Потёпки. Снова услышал я, как железные крылья Ялпус-ойки рассекают со свистом воздух, вновь ощутил я дыхание шайтана, прилетевшего в тёмную комнату шамана.

Наваждение растаяло, когда я открыл глаза. Передо мною была большая сцена, укра-

шенная благородным орнаментом манси. А на сцене пел и играл на древнем мансийском инструменте старый седой человек. Зал восторженно слушал его, забыв мелочные заботы. Всё, о чём пел Потёпка, люди начинали видеть своими глазами. Только подлинный талант может свершить такое чудо. И я был свидетелем этого чуда...

«ШАЙТАН покинул тебя и никогда не вернется к тебе», — вспомнил я слова старухи.

Неверно сказала старуха. Не покинули боги Потёпку. Он выходит на сцену, и за его спиной незримо встают волшебники. Люди в зале тогда теряют власть над собой. Они видят и слышат лишь то, что прикажет им видеть и слышать артист Потёпка.

А в остальное время шайтан не приходит к бывшему шаману. И Потёпка не хочет жить больше с богами, он хочет жить с людьми. Гордые, скромные, обыкновенные люди, они охотятся, рыбачат, доят коров, ухаживают за лошадьми, разводят чёрно-бурых лошадей, строят новые светлые дома. Они работают. Среди них работает и Потёпка — смешной человек. Очень смешной для манси.

Авторизованный перевод с мансийского
Н. ХОДЗА

«Храни её, Отто!»

В начале двадцатых годов на окраине Москвы жил скульптор Сергей Дмитриевич Меркуров. Всякого, кто впервые приходил к нему в гости, поражала одна из стен его просторной мастерской. Стена эта была сплошь увешана копиями посмертных масок, снятых Сергеем Дмитриевичем со знаменитых людей. Он был большой мастер делать гипсовые слепки с лица. И поэтому, когда умирал кто-нибудь из его великих современников, люди поручали Меркурову запечатлеть для потомков облик покойного. Так, например, было и в 1910 году, после кончины Льва Толстого, и в апреле 1920 года, в день смерти Клементы Аркадьевича Тимирязева.

Но в тот морозный вечер, 21 января 1924 года, Сергей Дмитриевич даже не сразу сообразил, что от него требуют эти люди, в запорошённых снегом тулупах.

— Мы из Московского Совета, — услышал Меркуров, — немедленно упаковывайте материал, собирайте инструменты. Поедете с нами!

Предчувствие большой беды завладело скульптором. Но он так и не решился спросить, что же такое произошло. В полумраке мастерской белели на стене маски, ветер бился в высокие окна. Гости не раздевались, они ждали скульптора, стоя на пороге его квартиры.

А потом под полозьями са-

ней скрипел снег, и лошади несли Меркурова сквозь темноту улиц к вокзалу. Там скульптора и его спутников уже ждала дрезина. Никто не проронил ни слова. Молчали — и когда сидели, прижавшись друг к другу, в насквозь промёрзшем маленьком вагончике, и когда снова ехали в санях, и когда выходили у старого, знакомого скульптору по рассказам дома.

Да, предчувствие беды не обмануло Меркурова. В просторной комнате он увидел Надежду Константиновну, жену Ленина, и Анну Ильиничну, его сестру. Обе женщины плакали.

Трудно сказать, о чём думал в ту ночь скульптор Меркуров. Наверное, он дул на окоченевшие руки, наверное, неторопливо раскладывал на стуле свой инструмент, готовил гипс. И смотрел на Ильича. Смотрел, сознавая, какая ответственность легла на его плечи. Мудрое лицо вождя, простое лицо великого человека. Ему, скульптору Меркурову, предстояло сохранить его черты для человечества.

Но разве мог предугадать тогда Сергей Дмитриевич, какую необыкновенную судьбу готовило время для одной из снятых им в ту ночь копий ленинской посмертной маски.

Минуло восемь лет. В начале 1932 года в гости к Меркурову приехал из Германии его давний знакомый художник

Отто Нагель. Он долго смотрел на гипсовый слепок с ленинского лица. Потом сказал:

— Сергей Дмитриевич, знаете ли вы, какое благоговение испытываю я сейчас перед этой маской в вашей мастерской?

Меркуров промолчал. А когда немецкий художник собрался уходить, он подал гостью гипсовую маску и сказал:

— Храни её, Отто, как зеницу ока!

Так попала в Германию маска с лица вождя пролетарской революции. Отто Нагель жил тогда в Берлине, в районе Веддинг. Весть о том, какой бесценной реликвией он обладает, быстро разнеслась по рабочим кварталам. На квартиру к художнику приходили друзья по партии и просто незнакомые люди. Все они подолгу простаивали у лежащего на письменном столе гипсового слепка.

Между тем чёрная ночь фашизма опускалась над Германией... И художник Отто Нагель был давно уже на примете у молодчиков в коричневых рубашках.

Как только над рейхстагом полыхнуло пламя пожара, в

квартиру к Отто ворвались штурмовики.

Гипсовый слепок лежал на столе. Стоило штурмовикам ступить в кабинет художника, и маска была бы в их руках... Но, повинувшись какой-то безотчётной тревоге, жена Отто Нагеля, прежде чем открыть перед фашистами дверь, набросила свой фартук на бесценную маску...

До утра шёл обыск в квартире художника. Всё было перевёрнуто вверх дном. Поиски шли в самых укромных местах, но разве смог заподозрить кто-нибудь из штурмовиков, что ленинская маска вовсе не замурована в стену, а лежит на столе под клетчатым фартуком.

«Храни её, Отто!» Он снова вспомнил эти слова, оставшись один среди вещей в своей разгромленной квартире. Но где хранить? За этим обыском наверняка последует второй, третий. В конце концов может быть арест, тюрьма... Где должна находиться маска? Зарыть, спрятать в тайник? Но ведь никто не знает, останешься ли ты в живых, устоишь ли перед испытаниями...

Так пришла к Отто Нагелю мысль передать ленинскую маску на хранение людям. Пусть каждый чувствует себя в ответе за неё.

Двенадцать лет свирепствовала в Германии чума фашизма. И всё это время гипсовый слепок ленинского лица сохранялся немецкими рабочими. В последние месяцы войны его прятал металлист, живший в Рейникендорфе, — одном из районов Центрального Берлина. Он нашёл для неё место в подвале, нарочно завалив старыми вещами.

По Берлину рыскали эсэсовские патрули. Они вылавливали дезертировавших из армии солдат, обыскивали чердаки и подвалы домов. Пришли эсэсовцы и в дом рабочего-металлиста. Спустились в подвал. Крикнули привычное:

— Кто здесь, выходи!

Тишина. Слепящие лучи электрических фонарей. Горы старого хлама, паутина, и, конечно, как это бывало и в других, ещё не разрушенных домах, где-то здесь прячутся люди.

— Выходи!

А потом на чёрные мундиры эсэсовцев оседала пыль. Нет, патруль не оставил без внимания ни одного уголка, ни одного закоулка, ни старого дивана, ни стула. Гремели передвигаемые вещи, а наверху, в своей комнате, сжимал руками виски пожилой человек. Он-то

знал, на что должны сейчас наткнуться эсэсовцы...

...По шоссе из Ресбрюке в Берлин мчалась машина. Шёл май 1945 года. Германия капитулировала, но ещё дымились развалины домов, ещё пахло гарью недавнего сражения. За рулём машины сидела жена художника Отто Нагеля. Она спешила в Рейникендорф, спешила, не зная наперёд, сохранился или нет даже сам дом последнего хранителя ленинской маски.

Но дом сохранился. И в подвале в дощатом ящике лежал нетронутым гипсовый слепок. Это было символично. Погибли многие миллионы людей. Война разрушила бесчисленные города и деревни, фабрики и памятники культуры. Но дорогие черты Ленина, запечатлённые в слепке, остались человечеству.

21 января 1963 года, в последний день VI съезда Социалистической единой партии Германии, Отто Нагель, седой ветеран немецкого рабочего движения, взошёл на трибуну.

— Я думаю, — сказал художник, — что отныне ленинская маска не должна больше оставаться в частных руках, в квартире или ателье живописца. Здесь, на съезде, я хочу передать эту маску нашему государству, которое по заветам Ильича строит социализм. Я и мои друзья сохранили её для новой, демократической Германии.

Б. ВИКТОРОВ

ТАК БУДЕТ

Нас до Луны провожали
Друзья и родные.
Прощаясь, мы долго смотрели
На горы земные.
На тёмные пятна —
Озёра, моря, океаны.
На нашу большую страну
И на малые страны.
Вошли в звездолёт
И на красные кнопки нажали.
Из лунной долины
Рванулись в бескрайние дали.
Нет, мы не страдали
От холода или от зноя.
И воздух, и сад, и собаки —
Всё было земное.
Мы видели Землю
И в лёгком, прозрачном тумане
Седых матерей
На серебряном телеэкране.
Волнение и слёзы
Любимые скрыть постарались.

Титов и Гагарин
Нам, близким
и очень далёким,
С Земли улыбались.

А мы всё летели,
Летели, летели, летели
В пространстве великой
Вселенной
К намеченной цели.
Всё больше и больше
Был шар легендарной Венеры.
Мы сбавили скорость,
Врываясь в слои атмосферы.
Кругами, кругами,
Мы плавно снижались
И вскоре —
Корабль опустился
На серую сушу у моря.
На берег суровый,
От соли седой, каменистый,
Мы первые вышли —
Советской страны коммунисты.
И не было в этом
Для нас ничего небывалого,
И Ленин
Смотрел, улыбаясь,
Со знамени алого.

Космонавты в городе Ленина

12 АПРЕЛЯ 1961 года весь мир был потрясён сообщением московского радио: «Человек в космосе!»

Мы ликовали, мы были несказанно горды тем, что этот человек — наш соотечественник, коммунист Юрий Алексеевич Гагарин.

Прошло два года. У нас теперь четыре космонавта. Вслед за Гагариным взлетели Герман Титов, Андриян Николаев, Павел Попович.

Всех их мы отлично знаем в лицо по газетным портретам, телепередачам, киножурналам. А троих из этой доблестной четвёрки даже видели у себя в гостях.

Вот остановился поезд. Не успел ещё Юрий Гагарин ступить на ленинградскую землю, а к нему уже со всех сторон тянутся дружеские руки. И хотя время у Гагарина было расписано буквально по минутам, он всё-таки встретился с ребятами, от души поблагодарил их за цветы.

Юные ленинградцы смогли убедиться, что детей любят все космонавты. Герман Титов тоже был «нарасхват» в нашем городе. Его ждали на фабриках и заводах, в институтах, в воинской части, где раньше служил Герман Степанович. И он никого не обидел. Пришёл он и в переполненный Дворец пионеров.

Космонавт Павел Попович в дни своего пребывания в Ленинграде узнал как-то, что пионеры школы-интерната № 47 борются за право называться дружиной имени Ю. А. Гагарина. Павел Романович пожелал познакомиться с этими ребятами. И вот он в интернате. А тут как раз праздник — открытие зала космонавтов. Не успел гость и оглядеться, как в руках у него оказались ножницы:

— Вам резать ленточку, вам! Это же зал космонавтов!..

Зал настолько понравился Павлу Романовичу, что он тут же попросил перо и оставил запись в журнале посетителей.

В. Верховский

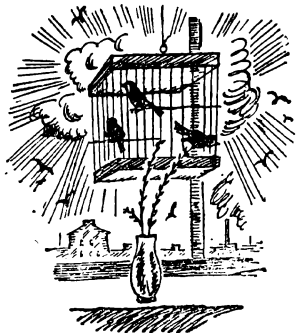

Щеглы

Я знал назначение крыльев,
Что крылья просторам родня,
Но так или иначе — жили
Зимою щеглы у меня.
Не ждал я такого подарка,
Мне жалко их было. Не лгу.
Три птицы, раскрашенных ярко,
Вовек я пред вами в долгу.
Я другу, наигранно весел,
Спасибо сказал горячо
И клетку к окошку повесил,
Что мог я придумать ещё?
Минули неделя и месяц,
И птахи привыкли к рукам.
Доверчиво с жёрдочек свесясь,
Встречали меня по утрам.
Быть может, инстинктам

поверив,

Что я не такой уж плохой,
Взъерошив упругие перья,
В лицо мне плескали водой.
Но всё-таки люди есть люди.
Приметил я с первого дня,
Один из них, с красною грудью,
Косился порой на меня.
И клювом клевался он больно,
Он знал: я пред ними неправ.
И вот я решился — довольно,
Пора выпускать их, пора!
Дождавшись едва выходного,
Решителен и молчалив,
Ушёл на вокзал в полшестого

И с клеткой уехал в Разлив.
В знакомом лесу придорожном,
Вдали от машин и людей,
Я их выпускал осторожно —
Не пленников и не друзей.
Прощайтесь с железною
клеткой!

Встречайте свободу весной!..
И двое в зелёные ветки
Мгновенно метнулись стрелой.
И только один почему-то
От радости оторопел...
Минута текла за минутой,

А он никуда не летел.
Тогда красногрудый бедово,
Рискуя свободой своей,
Вернулся к товарищу снова
И грудью ударил: «Скорей!»
И я не успел удивиться,
Идя по тропинке лесной,
Когда красногрудую птицу
Увидел опять над собой.
На вербе пристроившись старой,
Щегол зазвенел мне во след,
Что не был он мне благодарным
И не был прирученным, нет!
Над самой тропой без опаски
Он пел и лесам и лугам,
Он пел, и румяная краска
К моим прилипала щекам.

Рис. Г. Ясинского

П О В Е С Т Ь

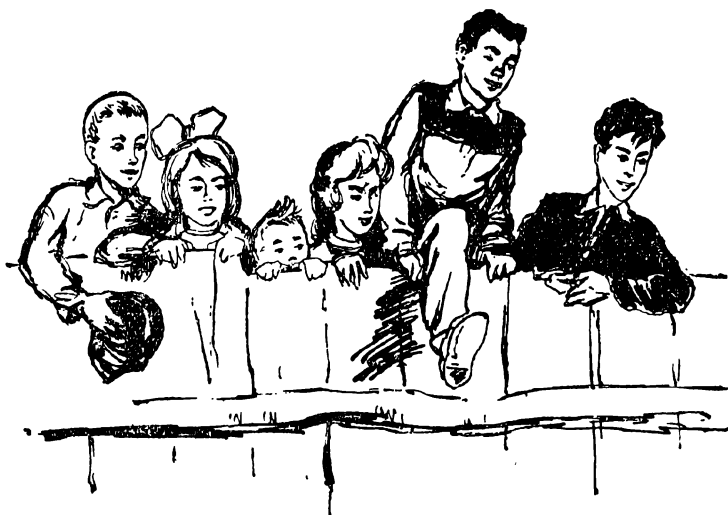
БРИГАДА

Днём и ночью во всякую погоду движутся по улицам автомашины: грузовые, легковые, автобусы, почтовые, пожарные, оперативные милицйские, специальные медицинские, уборочные, зимой — песочницы, летом — поливочные; особенно много фургонов с надписью «Продуктовая». Сколько их — Климу, даже представить себе трудно! Славка, усмехаясь, говорит, что, мол, возьми для примера хотя бы только один хлеб: надо, чтобы — каждому и на каждом углу. Ведь в городе около четырёх миллионов людей, и они должны ехать на работу, есть, пить, одеваться, читать газеты, отправлять письма.

Вот ты, допустим, вышел из своего четвёртого «Б» и захоте-

лось тебе конфету погрызть или там мороженого, — пожалуйста! На любом лотке купишь. Вот когда будешь слизывать с палочки своё любимое эскимо, подумай хоть раз, как оно попало на лоток к твоим услугам, и вспомни добрым словом армию весёлых трудолюбивых шофёров, которые, пока ты спишь, учишься или играешь в прятки, ведут по улицам свои автомашины.

Да, много надо автомашин, чтобы жизнь шла по славной Славкиной формуле: каждому — на каждом углу. Всякая машина везёт что-то нужное, она торопится, — люди ждут. И вдруг какой-то рыжий бездельник внезапно перебегает улицу, и машина выходит из строя. Пусть это всего лишь старенький, выдавший виды полугрузовичок-пикап, похожий на кузнечика, но на его зелёном кузове написано: «Канцто-

вары, школьные принадлежности», значит, какие-то ребята не получат вовремя карандашей и тетрадок! А весёлый шофёр Гриша Бубликов перестанет быть весёлым, потому что у него заберут водительские права, да ещё, может, судить будут, хотя он и спас рыжего от верной смерти. Ездить Гриша пока не сможет, а будет маяться в гараже, восстанавливать своего «Кузнечика». А можно ли его восстановить? Это ещё вопрос. Ведь «Кузнечик» очень сильно разбит.

Впрочем, вид у него сейчас совсем не такой жалкий, как тогда на набережной. Особенно, если смотреть сверху...

В каждом большом гараже есть такое место, куда свозят старые кабины, развалившиеся кузова, негодные детали. Но это ещё не окончательное автомобильное кладбище, шофёры заглядывают сюда: нет-нет да и разыщут какую-нибудь мелочь для своих ходовых машин. Допустим, ободок фары, кузовную стремянку или хому-

тик шланга водяного охлаждения. Это место в шутку так и называют — «Самснаб».

В тот злосчастный день, когда вызванная Гришей Бубликовым «Техпомощь» приволокла на буксире разбитый пикап, механик гаража Максим Назарович по своей скверной привычке обозвал Гришу всякими нелестными именами, а потом поскрёб в затылке и сказал, что в боксах места нет, всё занято по ремонтному графику; аварии, мол, не планируются.

— Отправляйся, собачий сын, со своей колымагой в «Самснаб» на задний двор. Людей у меня для такого дела тоже нет, сам и будешь заниматься. Пока разберёшь, промоешь детали, потом составим дефектную ведомость. А там видно будет, пусть начальство решает... Эх ты, горемыка.

Так вот и обосновался на гаражной свалке вместе со своим пикапом шофёр Гриша Бубликов. Здесь, неподалёку от глухого забора, среди лопухов и крапивы, он расчистил не-

большую площадку под дощатым навесом, поставил разбитую машину на чурбачки и, скрепя сердце, принялся за работу.

Несладкое и невесёлое это дело — корячиться под искорванным автомобилем: присохшая под крыльями грязь сыплется в глаза, скрипит на зубах, капля масла нет-нет да и упадёт за ворот, исцарапаться весь, измажешься. Но это полбеды, главное — на душе тоскливо. «Составим дефектную ведомость, а там будет видно...» А что будет видно? Права забрали, настоящего заработка нет; другие шофёры ездят себе, а ты тут, действительно, как собачий сын, ковыряйся на заднем дворе в одиночестве, отбывай наказание.

— Товарищ Бубликов! Дядя Гриша! Здравствуйте!..

Что такое?.. Гриша высунулся из-под машины, глянул вверх. Над забором торчали четыре головы — одна малень-

кая со светлым вихром, вторая наголо обрита с острым подбородком, третья растрёпанная так, что и лица не видно, а четвёртая крутолобая с остриженными под короткий бобрик волосами.

Пока Гриша удивлённо рассматривал эти головы, за забором кто-то пискнул:

— Ну что там? Я тоже хочу посмотреть. Симка, противный, помоги же!

Над забором вспорхнул огромной бабочкой лиловый бант, потом появились румяные щёки с ямками, и Гриша сразу узнал девочку, которая перевязывала ему руку. Рядом высунулась ещё голова — пушистая, золотоволосая, с синими прищуренными глазами.

— Сколько же вас там? — удивился Гриша.

— Весь актив форпоста! — звонко ответила Лера и первая бесстрашно перемахнула через забор, раскинув руки ласточкой, словно прыгала с вышки в бассейн.

За ней перелезли остальные. Симка и Славка помогли толстухе Нинке, а Клима Игорь просто снял с забора.

— Я сам, сам! Пусти... — вырывался Клим.

— Мы хотели — через проходную, да вахтёр не пустил, — сказал Славка.

— О! Ваша ссадина на руке совсем уже зарубцевалась, — сказала Нинка.

— Мы пришли вам помогать, — сказал Игорь.

— Мы — не маленькие, не думайте, — сказал Клим.

— Я не думаю... — сказал Гриша тихо; он чего-то вдруг охрип.

Пионеры окружили пикап, принялись исследовать его с деловым видом. Симка присел на корточки и покачал поперечную рулевую тягу — как тогда инспектор Щепкин на набережной. А Клим сразу же нырнул под кузов.

— Бедный Кузнечик! Как ему досталось!

— Ну, попадись мне только рыжий!..

— Можно, мы будем снимать это крыло, дядя Гриша?

Гриша озадаченно смотрел на ребят. Теперь он заметил, что они одеты в старые потёртые куртки, а на девочках были лыжные штаны и простые ситцевые блузки с длинными рукавами.

— А вам не попадёт?..

— От кого? — удивился Игорь. — Если хотите знать, мы всё обсудили с нашей учительницей. Она целиком — за.

— Да вы не бойтесь, дядя Гриша, — сказал маленький

Клим. — Мы справимся. Игорь знаете какой сварщик! Не бойтесь.

— Я не боюсь... — сказал Гриша.

Он и в самом деле вдруг перестал бояться, — отобранные права, обидная ругань механика, упрёки жены — всё это словно бы отодвинулось куда-то, потеряло остроту. Даже унылый двор, заросший бурьяном и лопухами, перестал быть унылым с тех пор, как на нём появились эти мальчишки и девчонки.

— Смотрите, что я нашёл! — кричал Клим, вытаскивая из груды железного лома большое ведро. — Дно совсем целое. Пригодится, дядя Гриша! Промывать детали!

— Вы покажите нам, что отвинчивать, и дайте ключи, — сказал Игорь.

Пришлось Грише идти на склад, выпрашивать дополнительный инструмент, ветошь и керосин.

— Куда тебе столько? — спросил кладовщик. — Тут же хватит на целую бригаду.

Гриша улыбнулся — впервые за эти три дня:

— У меня и есть целая бригада.

Действительно, получилась самая настоящая ремонтная бригада. Когда на свалку невзначай заглянул механик, он глазам своим не поверил: из-под пикапа в разные стороны торчал добрый десяток ног. Кто-то отвинчивал болты картера, кто-то снимал глушитель, кто-то соскребал грязь с днища кузова. А две девчонки,

сидя на корточках возле большого ведра, тёрли керосиновыми тряпками листы разобранной рессоры и, покачивая головами в такт звону гаечных ключей, распевали:

*Больного доктор лечит,
Больной ужасно рад.
Запрыгает кузнечик
Коленками назад...*

— Вот дьявольщина! — сказал механик. — Кто такие, откуда?

— Оттуда, — сказал Гриша и ткнул отвёрткой в забор. — Такие ребята, прямо орлы!

Максим Назарович не очень удивился: давно известно, мальчишки любят возиться с техникой, особенно с автомобилями, — хлебом не корми.

Но чтобы так дружно и сноровисто?.. Механик-то не знал, что эти ребята давно привыкли иметь дело с железом в мастерских Энергостроя.

— И впрямь орлы. Такие шпингалеты, а уже, почитай, полмашины разобрали. — Он посмотрел, как Игорь умело орудует ручником и зубилом — срубает заржавелые болты бампера, и одобрительно выругался: — Силён, подлец! Да за такую работу не жаль и заплатить сполна. Я вам выпишу деньги, честное пионерское. Из безлюдного фонда, чёрт бы его побрал!

— Вы лучше выпишите нам пропуска, — заметила толстуха Нинка. — Не очень-то удобно лазить через этот ваш забор.

Игорь нахмурился:

— Никаких денег нам не надо.

А Славка отряхнул пыль с куртки и сказал:

— Мы сюда пришли работать по формуле — «Че че».

— По какой формуле?

— «Че че» — человек человеку.

На это Максим Назарович не нашёл, что ответить, и от смущения принялся раскуривать трубку, невнятно бормоча: «Проклятые спички». Тут он заметил Клима, который в этот момент вылез из-под машины, перемазанный, как трубочист.

— А этот щенок что здесь делает?

Но Клим не обиделся. Он тряхнул замасленным вихром и неожиданно выпалил:

— Слушай внимательно. Брось курить! Начинается отделка щенка под капитана!

— Что?.. — оторопело спросил механик.

Лера и Нинка прыснули со смеха, а Симка поспешно сказал:

— Вы не обижайтесь, Максим Назарович. Это он из книжки. Из-за неё пострадал Кузнечик.

— Какая книжка? Какой кузнечик?

— Да этот пикап. А книжка...

Ну, тут уж, ничего не поделаешь, пришлось рассказать механику всё — и про рыжего, и про то, как он успел скрыться. Даже показали обрывок странички, где было напеча-

но про «дьявольского» моряка.

— Может вы знаете, Максим Назарович, из какой это книжки?

Механик подержал в замасленных заскорузлых пальцах листок, повертел и так и сяк, посмотрел зачем-то на свет и вдруг выругался:

— А наплюйте на этого рыжего прохвоста и на его дурацкую бумажонку! Чего котелки зря ломать, ещё мозги себе вывихнете. Давайте-ка лучше оформляйтесь к нам в гараж, в ученики. Я из вас автослесарей сделаю, мне люди вот как нужны, — и Максим Назарович провёл ребром ладони пониже подбородка, будто хотел отрезать себе голову.

Ребята слушали его довольные и гордые, — ещё бы! Ведь приятно, когда тебя приглашают на работу, как взрослого. Но наплевать на обрывок странички — нет уж! На это никто не согласен. Во-первых, в ней, в этой страничке, — гул прибоя и ветер путешествий, как сказала Инна Андреевна; только старый механик, видно, не проходил по литературе, что такое романтика. Он, наверно, даже не читал ни Паустовского, ни Стивенсона, ни Майн Рида. А во-вторых, Игорь твёрдо решил: рыжего надо найти и изобличить, это — дело чести пионерского форпоста. Но главное — почему это за аварию должен расплачиваться один Гриша?

— Гришке Бублику я тоже сочувствую, ребята, — сказал Максим Назарович. — Я бы

охотно списал этот чёртов пикап в утиль, кошке под хвост. Да ведь не всё от меня зависит. Вот подождём решения автоинспекции, тогда. — Он вдруг поперхнулся, кашлянул и посмотрел куда-то через головы пионеров.

Ребята обернулись и... Вот тебе и раз! Никто и не заметил, когда тут появился старший лейтенант Щепкин. Он стоял поодаль у столба навеса; лакированный козырёк его фуражки отражал солнце.

— Здравствуйте, друзья. Здравствуйте, товарищ главный механик. А я вас ищу по всему гаражу.

Максим Назарович поморщился, недовольно буркнул:

— Здравствуйте. Небось, опять явились отыскивать неисправности, запрещать машинам выход на линию?

— А что, разве такие неисправности имеются? — невинно осведомился Щепкин.

Механик чертыхнулся невинно и ничего толком не ответил. Он вопросительно смотрел на Щепкина. А тот достал из планшета лист бумаги и подал его Максиму Назаровичу.

— Автоинспекция уже приняла решение по делу шофёра Бубликова. Вот, читайте.

— Вслух! Вслух читайте, пожалуйста, — попросили пионеры.

Механик порывлся в кармане кожанки, надел на нос очки и принялся читать.

— «Постановление: Я—следователь ГАИ, старший техник-лейтенант Щепкин С. П., произведя расследование об-

стоятельств аварии...» — и так далее. Ага, вот самое основное: «Ввиду того, что материалами следствия и рядом свидетелей... (Тут механик значительно поверх очков посмотрел на пионеров) ...и рядом свидетелей подтверждается, что водителю в целях спасения человеческой жизни пришлось пойти на крайние меры, единственно реальные в создавшихся условиях, автоинспекция считает возможным следствие по данному делу прекратить. Шофёру второго класса тов. Бубликову Г. Л. водительское удостоверение вернуть».

Гриша Бубликов сразу повеселел, глаза у него сделались какие-то телячьи. Этими глазами он молча смотрел на ребят. А Клим прямо-таки с обожанием смотрел на Щепкина — теперь твёрдо решено: он, Клим, когда вырастет, обязательно сделается автоинспектором, старшим техником-лейтенантом, и больше никем и ничем!

А Щепкин между тем заинтересовался пикапом: ходил вокруг него, щупал мотор, заглядывал под кузов. Сразу видно, что этот человек понимает и любит машину, — вон как поглаживает очищенное Климом смятое крыло.

— Да вы уже многое успели сделать, друзья, — сказал Щепкин.

Всё-таки интересное это дело — знакомиться с новыми людьми. Для Нинки и Леры это всё равно что решать трудные задачи по алгебре, где вместо определённых величин

стоят условные знаки, — подика разберись сразу, что к чему. Ну кто бы, например, мог подумать, что механик гаража, этот невоспитанный, грубый дядька, который буквально на каждом шагу без всякой надобности вспоминает чёрта, дьявола, «собачьего сына» и другие абсолютно невозможные словечки, вовсе уж не такой, каким кажется с первого взгляда. Ведь это он повёл пионеров в гаражную столовую и принялся дубасить кулаком по запертой двери.

А повариха сказала:

— Время кончилось, пускать не велено. Вы же сами подписывали инструкцию.

А механик сказал:

— Ах ты пустая солонка! Далась тебе инструкция. Надо действовать по формуле «Че-че». Видишь, ребята наработались. Что ж ты хочешь, чтобы они подошли с голоду, как щенки?

И заставил повариху накормить пионеров гороховым супом. Вот какой, оказывается, Максим Назарович!

Гриша Бубликов тоже хороший парень. Но если говорить честно, то лучше старшего техника-лейтенанта, Сергея Павловича Щепкина, Клим ещё не встречал никого... Кроме, конечно, Инны Андреевны. Но ведь у неё такая работа — заниматься с ребятами. А кто велел Щепкину заниматься? Его работа — придирается к неисправным машинам, штрафовать водителей и вообще стараться, чтобы его, Щепкина, боялись. Но разве можно его

бояться, когда он такой большой и сильный! И красивый! Даже глубокий белый шрам на щеке не портит его лица, а, наоборот, придаёт героичности.

Симка не удержался и спросил:

— Сергей Павлович, это вас на войне ранило?

— Нет, друзья. В войне я не участвовал. Я тогда был ещё моложе Клима.

— Значит, в борьбе с преступниками?

Щепкин не ответил. Он перевёл разговор на другое.

— Вот вы, друзья, за сегоднешний день разобрали почти весь пикап. Это, в общем, довольно простая работа — отвинчивай гайки и болты да промывай в керосине детали. А вот когда придёт время собирать из них умные живые механизмы, вот тогда начнётся самое интересное.

И тут Щепкин рассказал удивительные вещи: на каждом автомобиле есть своя собственная электростанция с химическим и механическим источниками тока и с повышающим трансформатором, который, оказывается, не что иное, как индукционная катушка, — да ведь её ещё давно проходили на уроках физики с Инной Андреевной.

Славка только слегка наморщил лоб и сразу же вспомнил:

— Катушка Румкорфа. Две обмотки и прерыватель в первичной цепи. Большой коэффициент трансформации. Несинусоидальный ток высокого

напряжения получается во вторичной обмотке.

Тут уж пришла очередь удивляться Щепкину: он-то ведь не знал, что Славкина голова — это «разнавсегда-поминающее» устройство, и, наверно, подумал, что все ребята такие же «подкованные».

— Ого, я вижу, вы в школе даром времени не теряли. Передайте привет вашему учителю физики.

— У нас — учительница, — сказала Лера.

— В данном случае это не имеет значения, — улыбнулся Щепкин.

Все засмеялись. И ребятам вдруг показалось, что не каких-то два дня, а уже давно-давно они знают Сергея Павловича.

Весь этот разговор происходил по пути из гаража. Было так интересно, что никто не обращал внимания, куда они идут, — просто пионеры шагали вместе со Щепкиным, пока он не остановился и не сказал:

— Ну вот, вы меня и проводили. Спасибо. Мне — сюда.

На стене старинного серого дома были прибиты две вывески: «Городской спортивный автотоклуб» и «Школа повышения квалификации шофёров. Занятия вечерние».

— Поторопитесь . . . домой, друзья, — сказал Щепкин. — Уже темнеет, родители Клима будут беспокоиться.

Клим хотел было сказать, как давеча Лера, — что у него не родители, а только мама. Но промолчал. Лишь тихонько вздохнул: ему очень не хотелось расставаться с Сергеем Павловичем.

РЫЖАЯ ЭПОПЕЯ

Встречали вы когда-нибудь мальчика, который не хочет ехать в пионерский лагерь? Ведь это просто глупо — околачиваться в душном, накалённом солнцем городе, когда занятия в четвёртом «Б» уже три дня, как закончились! Ну, если нет возможности поехать,

тогда другое дело. А то, посудите сами: есть путёвка! Её дали за счёт месткома больницы, где Вера Васильевна работает медсестрой; пошли, можно сказать, навстречу, понимают, что ей, Вере Васильевне, трудно одной «поднимать» сына. А он, неблагодарный, упёрся, как неисправный шприц, в котором что-то заело, и никак не сдвинешь его с места. «Не поеду!» — и всё тут. Ну что теперь будет? Сама полный день на работе, а он — бог знает где и с кем? Прямо сердце разрывается! И откуда в нём столько упорства? Ведь он совсем ещё маленький. Что же из него будет, когда он вырастет?

Эх, мама. Во-первых, не что, а кто будет: ведь Клим — одушевлённый предмет, а не какой-то там больничный шприц! А будет из него — старший техник-лейтенант, вот кто будет. Это уже решено. И во-вторых, какой же Клим маленький, если он уже перешёл в пятый класс? Да ещё без троек! И в-третьих, встречали вы когда-нибудь маму, которая бы понимала, что такое гул прибоя и ветер путешествий? А трепетное серебро рыб она видит только, когда чистит треску на кухонном столе. Клим не спорит: лагерь — это хорошо. Но разве можно сравнить его с походом барсовцев, где надо самому прокладывать путь и преодолевать настоящие опасности? Только в таком походе можно стать широким костью и крепким мускулами, бледность за-

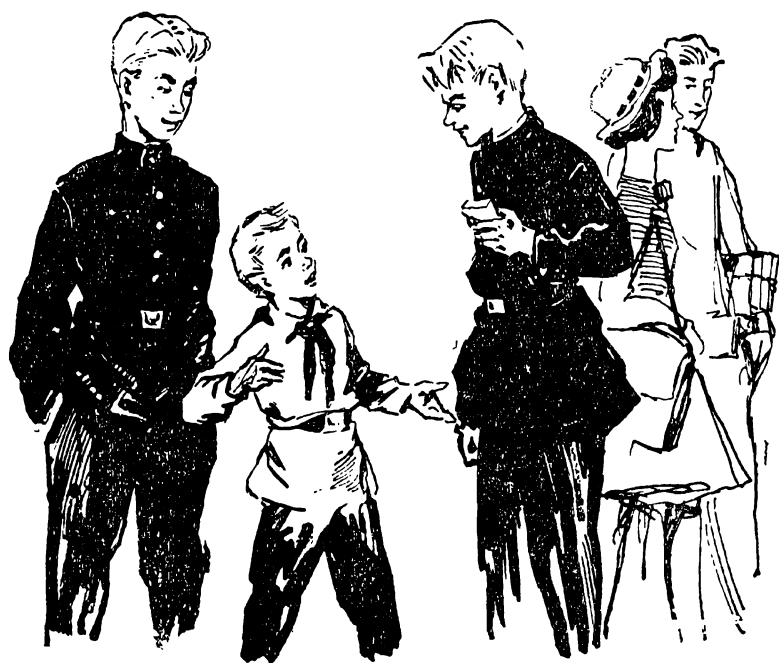
менить тёмным загаром, изысканную беспечность движений отдать за уверенную меткость работающей руки; и тогда у Клима в глазах отразится блеск, как у человека, смотрящего в огонь костра...

*Дым костра, углей сиянье,
Серый пепел и зола...*

Это только в песне так поётся. А в лагере на самом деле пионеров водят чуть не за ручку попарно в столовую, и никакой дым картошки вовсе не «дразнит наше обонянье», — её приносят официантки в белых передниках — очищенную, сваренную и политую соусом...

Клим согласен чистить картошку, собирать валежник, бегать к ручью за водой и вообще выполнять любую работу, лишь бы ребята взяли его с собой... «Да ведь мы учимся не в каком-нибудь третьем или четвёртом», — так сказал Игорь Инне Андреевне. Но Клим же — не в четвёртом. В пятом! Уже целых три дня. Вот, пожалуйста, и табель в кармане, Клим специально прихватил его, уходя из дому, — надо принять все меры, чтобы ребята взяли в поход.

Мама сегодня ушла на работу со слезами: понесла обратно путёвку. Маме, ясно, тяжело. А разве Климу легко? Не у одной мамы, у него тоже разрывается сердце. Думаете, весело слоняться по жаре возле школы и ожидать, когда окончится пятый урок в восьмом «В»? И, глядя под ноги, всё думать и думать: возьмут или не возьмут?

Надо во что бы то ни стало доказать ребятам, что Клим достоин идти в поход! Надо совершить что-то особенное, какой-то отважный поступок. И тогда Игорь скажет: «Победа на твоей стороне, плут».

Но что бы такое совершить?..

Клим поднял голову, огляделся с тоской и вдруг... увидел рыжего.

Во рту сразу стало сухо, в груди застучало, коленки сделались какие-то слабые; Клим даже прислонился к стене школы, — но это только на

мгновенье. В ту же минуту он, пригнувшись, перебежал улицу и осторожно, на некотором расстоянии последовал за рыжим. Ну, теперь-то ему не скрыться!

А рыжий и не думал ни от кого скрываться. Ничего не подозревая, шёл себе, не торопясь. В руке он держал на этот раз не книжку, а эскимо на палочке и слизывал его так усердно, что порой натывался на прохожих. Волосы на его голове пылали под солнцем, как костёр, как флаг туристского похода!

(Продолжение следует)

Ленинградская викторина

(ВТОРАЯ СЕРИЯ. Смотри 3-ю страницу обложки)

ГОРОД ЛЕНИНА. По его улицам, площадям не раз проходил Ильич. Наша очередная «Ленинградская викторина» посвящается памятным местам в нашем городе, связанным с именем Владимира Ильича Ленина и историческими событиями, участником которых он был.

Фотографии, напечатанные в этом номере (кроме снимка в центре), сняты зимой 1963 года. Вот наши очередные вопросы.

1. Владимир Ульянов был исключён из Казанского университета за участие в студенческом революционном движении. Ему была закрыта дорога в другие высшие учебные заведения. Не разрешалось выезжать для продолжения образования и за границу.

И вот двадцатилетний Ульянов добивается разрешения держать экзамен экстерном в Петербурге.

Когда и где сдавал он эти экзамены?

На двух снимках внизу — уголок нашего города, связанный с первыми годами пребывания В. И. Ленина в Петербурге. Тут он и сдавал экзамены.

2. 12 июля 1916 года умерла мать Ленина — Мария Александровна. В эти дни Владимир Ильич был в далёкой эмиграции. В первые же дни после возвращения в Петербург он посетил могилу матери.

Был ли ты там? Где находится этот памятник?

3. Вечером 9 августа 1917 года паровоз № 293 прошёл через пограничную станцию Белоостров и оказался в Финляндии.

Полицейские на пограничной станции самым тщательным образом проверяли документы у всех ехавших в Финляндию. Машинист Ялава, чтобы не подвергать риску ехавшего с ним на паровозе под видом кочегара В. И. Ленина, отцепил паровоз от поезда и поехал «набирать воды». С третьим звонком паровоз вернулся к составу. Срочно произвели сцепку. Гудок. И поезд тронулся, увозя вождя от опасности быть схваченным ищейками Временного правительства.

7 октября 1917 года этот же паровоз доставил Ленина обратно в Петроград. Какова дальнейшая судьба этого исторического паровоза?

4. Этот белоколонный зал вы не раз видели на картинах советских художников, в кино. Может, были здесь с экскурсией. На снимке, сделанном в начале 1917 года, он таков, каким его увидел впервые Ленин. Здесь он выступил с речью перед делегатами Второго Всероссийского съезда Советов. Здесь было провозглашено создание государства рабочих и крестьян, приняты первые декреты о Земле и Мире.

Где находится этот зал? (Снимок в центре.)

5. На площади у этого здания (снимок слева) перед многими тысячами трудящихся Питера Ленин выступил с речью о международном положении и о растущем авторитете молодой Советской республики среди зарубежных стран. Это было последним выступлением вождя в нашем городе. Когда это было? Чем был вызван приезд Владимира Ильича в Петроград?

А. ПАВЛОВ

К Т О В П Е Р Е Д И ?

«Мы любим наш город!» — этими словами начинаются почти все письма ребят, которые они прислали с ответами на «Ленинградскую викторину» в «Искорку». Но любить свой город — это значит, прежде всего, хорошо знать его. И теперь мы можем сказать смело; да, ленинградские ребята по-настоящему любят и знают свой город, изучают его историю и гордятся своим высоким званием «ленинградец».

Писем с ответами пришло очень много. И не только с ответами. Володя Максимов (476-я школа) прошёл по всем улицам, где побывал наш фотограф, и сам сфотографировал все здания и памятники, снимки которых мы давали в викторине. Фотографии были приложены и к другим письмам, но только у Володи Максимова хватило упорства сделать все 8 снимков.

Толя Митичев из деревни Юрцево Волховского района ни разу не был в Ленинграде. Но и он, пользуясь только книгами о нашем городе, сумел правильно ответить на многие вопросы.

«Ленинградская викторина» на этом не заканчивается. Сегодня мы даём её вторую серию и называем победителей первой. Окончательно лучшие из лучших знатоки нашего города будут определены по результатам пяти серий. Всех их ждут памятные подарки от «Искорки».

На первую серию лучшие ответы прислали: Саша Цыгальницкий (210-я школа), Наташа Куликова (388-я школа), Серёжа Прохоров (270-я школа), Серёжа Алёхин (154-я школа), Таня Гуртовик (33-я школа), Петя Миронов (148-я школа), Георгий Лагутин (87-я школа) и нахимовец Андрей Жуков.

А вот ответы на первую серию «Ленинградской викторины» («Искорка» № 1 за 1963 год):

СНИМОК № 1. Здание Адмиралтейства. Его зодчий — А. Захаров. В этом уголке города, на Дворцовой площади, 9 января 1905 года была расстреляна мирная демонстрация рабочих, шедших с петицией к царю. А 25 октября 1917 года революционные отряды рабочих и солдат Петрограда шли по этой площади на штурм последнего оплота капитализма в России — Зимнего дворца. Снимок сделан через арку парадного подъезда (архитектор В. Растрелли).

СНИМОК № 2. В 1916 году, в связи со столетием Петроградского военного кавалерийского училища, по проекту скульптора Б. Микешина был установлен памятник великому русскому поэту М. Ю. Лермонтову. Поэт учился в этом училище в 1833—1834 годах.

СНИМОК № 3. Съёмка велась через окно театрального перехода, соединяющего Эрмитаж с Эрмитажным театром. В окне видны Петропавловская крепость и скульптурная фигура греческого философа и драматурга Софокла.

СНИМОК № 4. Мечеть, находится на Петроградской стороне. Она построена по проекту С. Крачинского в 1912 году. Съёмка велась из парка имени Ленина.

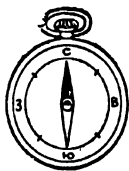
СНИМОК № 5. Архитектор Н. И. Росси. По его проекту построены целые городские ансамбли. На площади Искусств: Русский музей, Малый оперный театр, Филармония, здание Банна (выходящее на Невский проспект). На площади Островского: здание театра имени А. С. Пушкина, Публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина, павильоны в Саду отдыха; обе стороны улицы Росси и здания на площади Ломоносова. На Дворцовой площади: здание бывшего Главного штаба с триумфальной аркой. На площади Декабристов: здания бывших Сената и Синода, соединённые аркой. В Центральном парке культуры и отдыха — Елагин дворец (изображён на снимке) и павильоны.

СНИМОК № 6. Банковский мост, перекинут через канал Грибоедова. Автор львов — грифонов — скульптор П. Соколов.

СНИМОК № 7. Здание Дома санитарного просвещения на улице Ракова, 25.

СНИМОК № 8. Это ворота на Мойке, 48. За ними здание Педагогического института имени А. И. Герцена. Строительство здания велось по проекту А. Кокоринова. Здание было закончено архитектором Ж. Б. Валлен-Деламотом.

ПЕСТРЫЕ ЗАМЕТКИ

ТАЙНА ПЕЩЕРЫ

В горах, недалеко от Ферганы, в районе села Араван, есть пещера, которую называют Чиль-Устун, или «Сорок колонн». Среди населения ходила легенда о том, что человек, зашедший в эту пещеру, исчезает бесследно: окаменевают и превращаются в гранитную колонну.

Члены секции спелеологов Ферганского краеведческого музея решили развеять эту легенду. Они отправились в таинственную пещеру. Долго пришлось искать вход — узкую расщелину в отвесной скале. При свете фонарей засверкали колонны сталактитов, поддерживающие своды огромного подземного зала. Исследуя его, спелеологи обнаружили едва приметный лаз в следующий зал, из него — в третий... Так было открыто в горах шесть подземных дворцов.

В лабиринтах пещеры любители археологии обнаружили много любопытных вещей: на скальную живопись, согдийские надписи, керамику и хум — сосуд для хранения воды.

Экспедиция разоблачила миф о тайне пещеры. Найденные в её залах человеческие

скелеты подтверждали предположение краеведов о том, что люди, попадавшие в подземный лабиринт, не могли найти из него выхода и, заблудившись, погибали в каменных подземельях.

Находки экспедиции помогут археологам прочесть «каменную книгу» Ферганы и по ней лучше узнать историю этого древнего края.

СКОЛЬКО ЖЕ ОБИТАЕМЫХ ПЛАНЕТ?

Велики масштабы Вселенной! По самым скромным подсчётам в нашей Галактике имеется не менее 100 000 планет, похожих на нашу Землю. Мощные современные телескопы могут нащупать в бескрайнем небесном океане 100 миллионов га-

КИТЫ ЖИЛИ НА СУШЕ

Это предположение ученых подтверждается добытыми советскими китобоями вблизи Курил остатками задних конечностей кашалота. «Ноги» кита представляют собой два парных выроста, расположенных в задней части туловища. Когда учёные сделали рентгеновский снимок, оказалось, что в толще выростов заключены недоразвитые кости бедра.

За многие годы это второй случай. Первый такой кашалот был выловлен также у Курил несколько лет назад. Это яркий пример атавизма — возврата к предкам.

Находка ещё раз подтверждает предположение, что в далёкие времена киты были жителями суши.

лактик. Вот и получается, что в доступном нашему глазу пространстве, вероятно, можно насчитать по крайней мере 10 000 миллиардов планет, подобных нашей. Вполне возможно также, что на этих планетах возникла и развивается жизнь.

...наиболее заметным внешним проявлением активности Солнца являются солнечные пятна? Размеры их колеблются от 1000 до 150 000 километров. Пятна размером более 40 000 километров можно наблюдать даже невооружённым глазом, если рассматривать Солнце через тёмные стёкла. Активность Солнца непрерывно меняется. Периоды солнечной активности колеблются от 7,5 до 16 лет. В нынешнем веке наибольшая активность Солнца наблюдалась в 1957—1958 гг. Сейчас активность Солнца падает, и минимальной она будет в 1964—1965 гг. Следующий максимум солнечной деятельности ожидается в 1968—1969 гг.

...Христофор Колумб направлялся к Америке не наугад, а имел более или менее точные карты и лоции? Выясняется, что эти первые карты были составлены неизвестным мореплавателем ещё до открытия Америки. Все эти карты Колумб держал в строгом секрете и хранил их в своём личном сундуке под замком. К таким выводам пришёл член Всесоюзного географического общества Д. Я. Цукерник, изучая дневник Колумба, записки его сына Ферди-

Знаешь ли ты, что?

нанда и других участников первого плавания к берегам Америки.

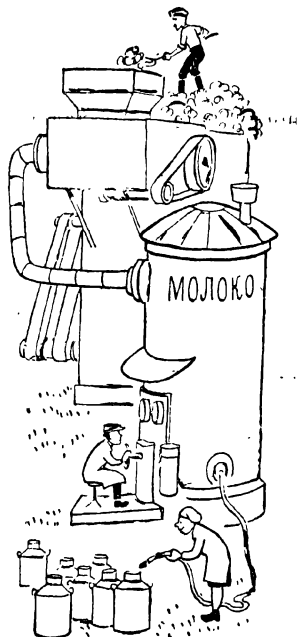
...нет ни одного участка земной коры, который находился бы в состоянии покоя? Одни участки медленно поднимаются, другие опускаются. Скорость движения измеряется всего лишь несколькими миллиметрами, реже — сантиметрами за год. Скорость поднятия в северной части Финляндии, например, достигает одного сантиметра в год. Метки, вырубленные на урвене Балтийского моря в XVIII веке, теперь подняты на 1,5—2 метра над морем. К югу от Финляндии, на территории Эстонии, Латвии, Белоруссии, западных районов Украины, скорость поднятия достигает 5—10 миллиметров в год. В районах между Москвой и Ленинградом, в Тамбовской низине, на левобережье Днепра земная кора медленно опускается.

...коты способны издавать ультразвуки? Этого «беззвучного мяуканья» люди не слышат. Но зато очень хорошо слышат мыши и крысы.

...один гектар зелёных насаждений, поглощая углекислоту, способен подержать дыхание 30 человек, а гектар кукурузы может обеспечить дыхание 150 человек?

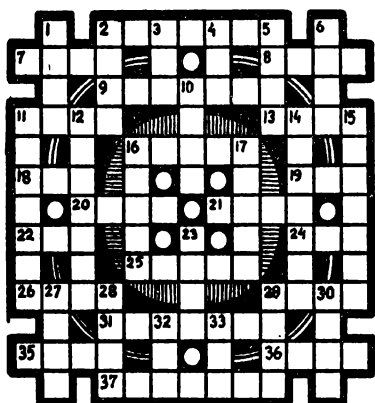
...вулканы бывают и под водой? В 210 милях южнее острова Рождества обнаружены два подводных вулкана высотой до 3000 метров. Вершина одного из них находится на глубине 2500 метров. Вершина второго — на глубине 3700 метров и имеет ясно выраженный кратер.

...английские учёные изобрели способ изготовления молока из зелёных листьев? Учёные, работающие в сельскохозяйственном институте в Гарстоне, заявили, что они могут изготовить молоко почти из любой зелени. Уже были использованы морская ботва, капустные листья и гороховые стручки.

КРОССВОРД

Отдел ведёт В. Акентьев

По горизонтали. 2. Специальная дорожка для пешеходов по краям улицы. 7. Французский физик, доказавший вращение Земли наглядным опытом. 8. Река в Ленинграде. 9. Выдающийся русский врач и педагог, создатель научной системы физического образования. 11. Нота. 13. Газ, составная часть воздуха. 16. Старинная мебель. 18. Американский писатель, автор книги «Десять дней, которые потрясли мир». 19. Небольшое судно для перевозок или специального назначения. 20. Отверстие в стене здания для света и воздуха. 21. Мера длины. 22. Главное действующее лицо одной из известнейших трагедий Шекспира. 24. Птица. 25. Река, вытекающая из Онежского и впадающая в Ладожское озеро. 26. Двухколёсная повозка. 29. Шахматная фигура. 31. Принадлежность игры в теннис. 35. Повозка на поло-

зьях. 36. Мера для измерения расстояний на море. 37. Регулярно созываемый (обычно раз в году) торг.

По вертикали. 1. Композитор, написавший оперу «Фауст». 2. Вид кровельного материала. 3. Выдающийся эстонский певец. 4. Столица Башкирской АССР. 5. Воинское подразделение. 6. Начало дня. 10. Торжественная песнь, принятая как символ государственного единства. 11. Часть чашов. 12. Предмет снаряжения альпиниста. 14. Часть шлема, защищавшая лицо воина. 15. Ученическая принадлежность. 16. Геометрическое тело. 17. Инструмент для сверления. 23. Великий французский композитор. 27. Старинная испанская серебряная монета. 28. Музыкальное произведение для голоса, входящее составной частью в оперу. 29. Приток Волги. 30. Цифровой знак. 32. Кусок какого-либо вещества (например, снега), уплотнённый и принявший более или менее округлую форму. 33. Помещение для учебной стрельбы.

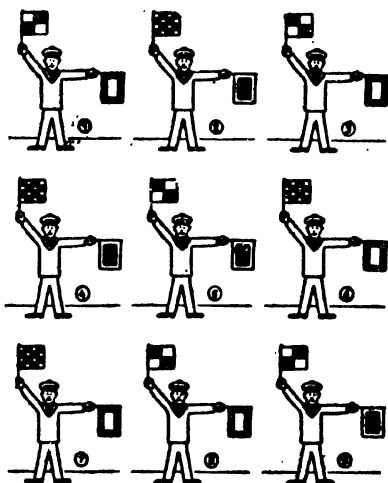
ХИТРЫЙ РЕБУС

В этом ребусе зашифровано одно слово... Как вы думаете — какое?

ВНИМАНИЕ...

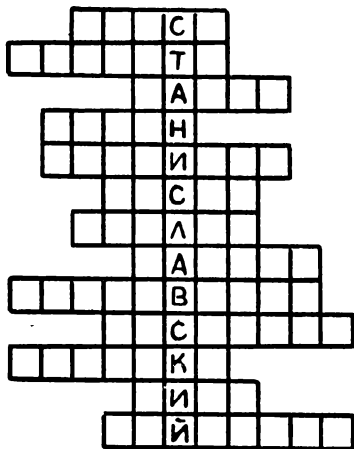
(Прислала В. ФАЙНШТЕЙН)

Среди этих девяти матросов только у двоих одинаковые сигналы. Сумеете ли вы их найти?

ЗАДАЧА

(Составила Наташа КУЛИКОВА, 388-я школа)

Впишите в горизонтальные ряды тринадцать названий опер выдающихся композиторов, сохранив в выделенных клетках буквы, составляющие фамилию выдающегося русского деятеля театрального искусства К. С. Станиславского.

Авторами этих опер являются:
1. Гуно. 2. Чайковский. 3. Римский-Корсаков. 4. Рубинштейн. 5. Верди. 6. Пуччини. 7. Верди. 8. Бизе. 9. Направник. 10. Верди. 11. Даргомыжский. 12. Верди. 13. Глазунов.

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 2, 3)

КРОССВОРД

По горизонтали. 4. Отечество. 6. «Вий». 7. Бег. 8. Зал. 11. Спрут. 12. Баржа. 14. Бак. 15. Дар. 16. Три. 19. Автономия.

По вертикали. 1. Век. 2. Север. 3. Сто. 4. Олимпиада. 5. Оранжерея. 9. Пуд. 10. Бал. 13. Тайна. 17. Ять. 18. Эму.

ВЫ ЛЮБИТЕ МУЗЫКУ?

1. Блантер. 2. Новиков. 3. Торадзе. 4. Шапорин. 5. Долидзе. 6. Милютин. 7. Шебалин.

РЕБУС

Век долг, да час дорог.

ПЕРЕКРЕСТКИ

Алгебра, караван, граната, арбалет, опахало, барабан, антенна. Возможны другие решения.

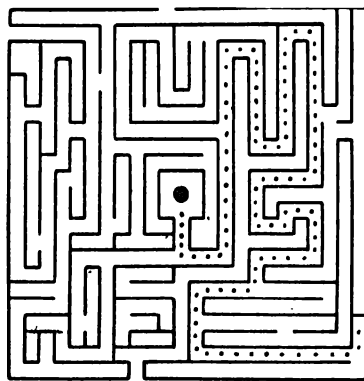
СОСЧИТАЙТЕ

20 ромбов разной величины.

МЕТАГРАММА

Новые слова: рана, лапа, душа, кора, корт, липа, пруд, лань, репа, трап. Из «освободившихся» букв составит: «гимнастика».

ЛАБИРИНТ

Решение смотрите на рисунке.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Только живой. Стихотворение Р. Ругина	1
Посылка от Ильича. Рассказ П. Макрушенко	2
Передышка. Очерк Г. Усыскина	5
Гагарин в Артеке. Стихотворение Сережи Воронова	14
Здравствуй, третий «А». Очерк И. Тельмана	15
Светлый путь. Поэма В. Самсонова	28
Потёпка. Рассказ Ю. Шесталова	33
«Храни её, Отто». Очерк Б. Викторова	42
Так будет. Стихотворение М. Берновича	45
Космонавты в городе Ленина	45
Щеглы. Стихотворение В. Верховского	46
Семеро и кузнецик. Продолжение повести Эмиля Офина	47
Ленинградская викторина	58
Пёстрые заметки : :	60
Клуб смекалистых ребят	62

На 1-й странице обложки — фрагмент с картины художника В. Прагера «Юность В. И. Ленина».

На 2-й странице обложки — фотоснимки Н. Карасёва «Космонавты в городе Ленина».

На 3-й странице обложки — Ленинградская викторина.

На 4-й странице обложки — рисунок художника К. Бенташева «Пионерлагерь «Лунаты».

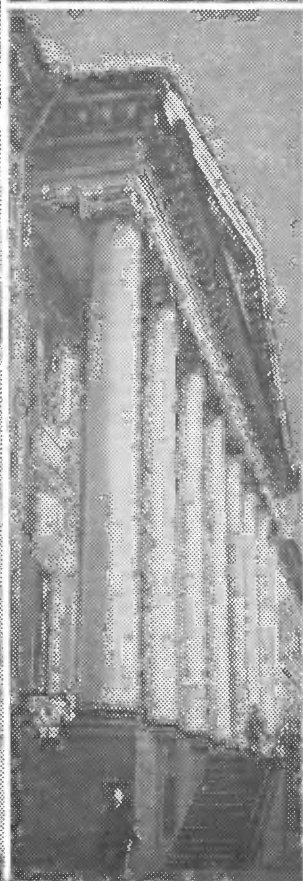
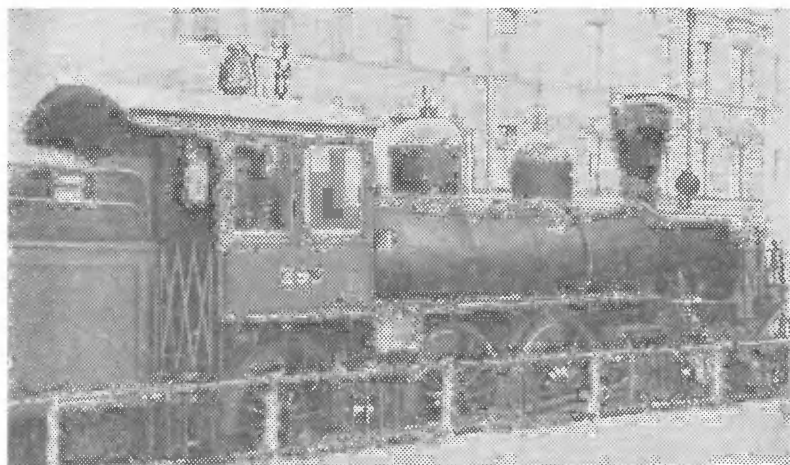
Редактор А. А. БЕЛЯКОВА

Адрес редакции: Ленинград, Центр, Фонтанка, 57 (вход с Торгового пер., 1)
Телефон А-2-87-53

Сдано в набор 15/III 1963 г. Подписано к печати 25/IV 1963 г. 4 печ. листа
М-26444 Заказ № 432. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 75 000.

Типография имени Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

*Ленинградская
викторина*
(ВТОРАЯ СЕРИЯ)

Текст читайте на 58-й странице.

Цена 10 коп.

